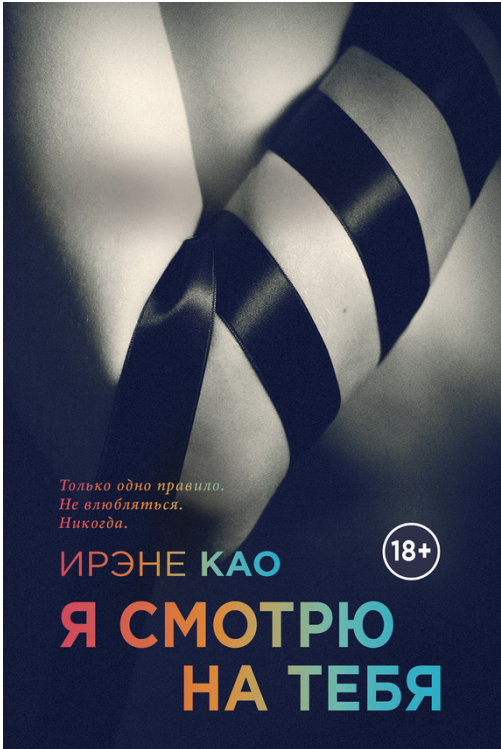

*Только одно правило.
Не влюбляться.
Никогда.*

ИРЭНЕ КАО

18+

Я СМОТРЮ НА ТЕБЯ

Ирэне Као
Я смотрю на тебя
Серия «Итальянская трилогия», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6981771
Ирэне Као. Я смотрю на тебя: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70781-2

Аннотация

Бестселлер № 1 в Италии! Первая книга восхитительной трилогии, которая отправит вас в путешествие, в мир чувственных удовольствий, любви, искусства и итальянской кухни. Самый романтичный город мира, Венеция, выступит в роли декораций для этой захватывающей любовной истории. Вы познакомитесь с венецианскими улочками и великолепными замками, узнаете многое о живописи и истории искусства. Отправитесь в гастрономический тур по Италии, где царит острый, пряный и невероятно сочный аромат.

Элена никогда не любила по-настоящему, мир для нее – это искусство, фрески, которые она реставрирует в старинных палаццо Венеции. Все меняется, когда в ее жизни появляется Леонардо, знаменитый шеф-повар, в чьих руках даже наслаждение приобретает форму, цвет, запах, вкус. Элена позволяет богатому красавцу с темным прошлым соблазнить себя и принимает его условие: «Не влюбляться». Теперь никто из них не должен нарушить это правило, что бы ни случилось...

Читайте продолжение трилогии, книги «Я чувствую тебя» и «Я люблю тебя».

Содержание

Итальянская трилогия	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ирэне Као

Я смотрю на тебя

Посвящается Мануэлю, моему брату

Итальянская трилогия

ИТАЛЬЯНСКАЯ ТРИЛОГИЯ

«Я смотрю на тебя»

Бестселлер № 1 в Италии! Первая книга восхитительной трилогии, которая отправит вас в путешествие, в мир чувственных удовольствий, любви, искусства и итальянской кухни.

Элена никогда не любила по-настоящему, мир для нее – это искусство, фрески, которые она реставрирует в старинных замках Венеции. Все меняется, когда в ее жизни появляется Леонардо, знаменитый шеф-повар, в чьих руках даже наслаждение приобретает форму, цвет, запах, вкус. Элена позволяет богатому красавцу с темным прошлым соблазнить себя и принимает его условие: «Не влюбляться». Теперь никто из них не должен нарушить это правило, что бы ни случилось...

«Я чувствую тебя»

Путешествие в поисках удовольствия продолжается! Итальянский темперамент, прекрасный Рим, вдохновляющее искусство, любовь, страсть – вот главные ингредиенты книги.

Элена начала жизнь с новой страницы. Дни страсти и безумства, проведенные с Леонардо, превратили ее в сильную женщину, позволили раскрыться и познать все стороны любви. Теперь она знает, чего хочет: ради Филиппо оставила Венецию и переехала в Рим. Кажется, что Элена счастлива в своей новой жизни, но достаточно случайной встречи, чтобы все разрушить. Леонардо вновь встает на ее пути, и она должна решить, какую цену готова заплатить за эту страсть...

Элена не знает, правильно ли поступает, она лишь следует за своими чувствами, слушает сердце и город, который говорит с ней. Эта девушка изменилась, она не боится жить, не боится любить и готова сделать свой выбор.

«Я люблю тебя»

Финальная часть итальянской трилогии, покорившей романтиков во всем мире!

Жизнь без любви, жизнь, полная свободных отношений, – вот новая мантра Элены, которая стала совсем другим человеком с тех пор, как отказалась от надежной любви Филиппо и всепоглощающей страсти Леонардо. У нее было все, теперь нет ничего. Каждую ночь Элена готова проводить с новым мужчиной, только чтобы заполнить пустоту и заглушить боль в груди.

В самый тяжелый момент, когда все отвернутся от Элены, Леонардо вновь окажется рядом и увезет девушку на свою родину – остров Стромболи. Сицилия, вулкан, море, глаза любимого мужчины способны исцелить ее, вернуть вкус к жизни, любви, искусству. Но впереди еще много препятствий: прошлая жизнь Леонардо встает на их пути, и кажется, что ничего уже нельзя изменить...

А в самом начале
безумного путешествия,
но восхитительно
возбуждающего.

В этот момент я совершаю
самый опрометчивый поступок в
своей жизни. И возможно, именно
поэтому — самый
верный.

— Ты должна полностью
довериться мне и сделать
всё то, о чём я тебя попрошу. Всё!

Зно этот мужчина на самом деле?
Что привело его ко мне?

А почти уверена, что
никогда не найду
ответов на эти
вопросы.

Желание невозможно
заклочить в тюрьму.

Глава 1

Ярко-желтый оттенок вбирает солнечный свет, переходит в оранжевый и потом растворяется в рубиново-красном, где похожий на рану разрез открывает взору маленькие зернышки фиолетового глянца. Я не отвожу глаз от этого граната уже несколько часов. Он – всего лишь деталь, но служит ключом ко всей фреске.

Ее сюжет – похищение Прозерпины¹. Тот момент, когда мрачный властитель преисподней Плутон, облаченный в пурпурное облако своих одежд, с силой схватил богиню, собирающую крупные гранаты на берегу озера, за чресла.

Фреска не подписана – имя автора окутано тайной. Знаю только, что он жил в начале XVII века и, судя по стилю письма, цветовым фрагментам и деликатной игре света и тени, был настоящим гением. Каждый мазок нанесен безукоризненно, а моя задача – не испортить усилия художника в достижении совершенства, понять его творчество и передать в своей работе.

Это первая реставрация, над которой я работаю самостоятельно. В 29 лет такая работа – огромная ответственность, и я горжусь ею. Ждала подобного шанса с тех пор, как закончила школу реставраторов, и теперь, когда удача улыбнулась мне, сделаю все, чтобы оправдать ее.

Вот поэтому я сижу уже несколько часов подряд на стремянке в белом клеенчатом комбинезоне и красной бандане, удерживающей темное каре волос (но отдельные прядки все же выбиваются и падают на глаза), и неподвижно смотрю на стену. К счастью, вокруг нет зеркал, потому что наверняка на моем лице заметны следы усталости и круги под глазами. Не важно – это доказательства моего упрямства.

В какой-то момент смотрю на себя со стороны: вот я, Элена Вольпе, одна-одинешенька в огромном парадном холле античного и давно необитаемого палаццо², в самом сердце Венеции. И именно здесь я хочу находиться.

Всю неделю я отчищала фон фрески и сегодня впервые попробую цвет. Неделя – это много, наверное, даже слишком, но я не хотела рисковать. Продвигаться нужно с максимальной осторожностью, потому что одно неправильное движение может испортить всю работу. Как говорил один мой преподаватель: «Если хорошо зачистишь, то половина работы сделана».

Отдельные части фрески полностью разрушены, и мне ничего не остается, как заново заштукатурить их. Сказывается вездесущая влажность Венеции, проникающая даже в гранит, кирпичи и древесину. Но вокруг поврежденных фрагментов есть и другие, где цвета сохранили свою яркость.

Сегодня утром, взбираясь на стремянку, я сказала себе: «Ни за что не сойду вниз, пока не подберу тон для этого граната». Теперь понимаю, что, возможно, была слишком оптимистична... Не представляю, сколько времени я уже пробую всю палитру красных, желтых и оранжевых цветов без какого-либо удовлетворительного результата. Восемь емкостей, в которых разводила пигментную крошку с небольшим количеством воды и капелькой оливкового масла для придания консистенции, я уже выбросила. И начав разводить краску в девятой чашечке, услышала звонок. Он исходил из кармана моего комбинезона. Увы! Игнорировать зов мобильного было бесполезно. Чуть не свалившись с лестницы, я схватила телефон и прочитала имя, которое мигало на дисплее.

Это Гайя, моя лучшая подруга.

¹ Прозерпина (*лат. Proserpina*) – в древнеримской мифологии богиня подземного царства, соответствующая древнегреческой Персефоне, дочь Юпитера и Цереры, племянница и супруга Плутона.

² Палаццо (*лат. palatium* – дворец) – итальянский городской дворец-особняк XV–XVIII вв.

– Эле, как дела? Я на площади Санта-Маргарита. Приходи, выпьем что-нибудь в «Иль Россо»!³ Сегодня здесь больше народа, чем обычно, и это просто здорово! Быстрее приходи! – Она говорит на одном дыхании, даже не спросив, удобно ли мне разговаривать, и не давая мне возможности ответить.

В этом вся Гайя. Она организует концерты и VIP-вечеринки в самых модных заведениях города и всего региона Венето⁴. Работа начинается с четырех часов пополудни и продолжается до поздней ночи. Она любит светские тусовки, и для нее они не просто работа – это призвание: готова поспорить, что она работала бы даже бесплатно.

– Слушай, а сколько времени? – спрашиваю я, пытаюсь остановить поток ее слов.

– Полседьмого. Ну, ты идешь?

Боже мой, так поздно?! Время пролетело совсем незаметно.

– Эй, Эле, ты здесь? Все хорошо? Скажи же что-нибудь! – кричит Гайя, и ее голос врывается мне в барабанные перепонки. – Ты совсем уже с ума сошла с этой своей фреской. Приезжай сюда, немедленно! Это приказ!

«Иль Россо» – это бар, где встречаются молодые венецианские бездельники, тот тип людей, которым нужны такие, как Гайя, чтобы понять, как провести вечер.

– Гайя, через полчаса я закончу, обещаю, – делаю глубокий вздох – ...но пойду домой. Не злись, пожалуйста.

– Да не злюсь, конечно, сволочь ты, вот и все! – фыркает она.

Так всегда. Это наша обычная ролевая игра, через две секунды она опять будет спокойной и счастливой. К счастью, мои отказы она быстро забывает.

– Слушай, можешь идти домой, отдохнуть, а попозже пойдем в «Пятый Молл», у меня два приглашения в клуб «Прайв»...

– Спасибо за беспокойство, но я совсем не хочу лезть в этот ад, – быстро отвечаю я, прежде чем она продолжит. А ведь она прекрасно знает, что я ненавижу толпу, что почти не пью, а танцы для меня сводятся, в лучшем случае, к притопыванию ногой в такт (причем такт этот я отбиваю по-своему). Все эти развлечения – не для меня, я постоянно стесняюсь и чувствую себя не в своей тарелке. Но Гайя не сдается, каждый раз пытаюсь затащить меня на одну из своих вечеринок. На самом деле, хотя я никогда в этом не признаюсь, я благодарна ей за эти попытки.

– Ну что, ты уже закончила работать? – спрашиваю я, пытаюсь отвести разговор от опасных тем.

– Ага, сегодня мне просто повезло, я сопровождала одну русскую бизнес-леди. Мы три часа рассматривали в «Bottega Veneta» сумки и кожаные сапоги, а потом я привела ее в «Balbi» и там наконец мадам решила купить две вазы из муранского стекла. Между прочим, в «Alberta Ferretti» я видела несколько платьев их новой коллекции – ну просто как на тебя сшиты! Бежевого цвета, он будет потрясающе смотреться с шоколадным оттенком твоих волос... Как-нибудь зайдем, и ты их при-меришь!

Когда она не занята тем, чтобы указывать людям, что делать по вечерам, Гайя объясняет им, как тратить деньги, она своего рода консультант по шопингу. Это тот тип женщин, у которых обо всем есть свое мнение и большие способности к убеждению других. Настолько большие, что даже находятся желающие заплатить, чтобы дать себя убедить в чем-нибудь. Однако на меня ее способности не действуют – за двадцать три года дружбы я выработала иммунитет.

– Конечно, сходим. Правда, кончится все тем, что ты, как обычно, купишь их себе.

³ Il rosso (*итал.*) – красный.

⁴ Венето (*итал.* Veneto) – один из административных регионов Италии, на северо-востоке страны.

– Но рано или поздно мне удастся прилично тебя приодеть. Учти, я с тобой еще не закончила!

Гайя борется с моим, скажем так, небрежным стилем в одежде со времен нашего подросткового возраста. Для нее джинсы и туфли без каблуков вовсе не являются удобной альтернативой прочим нарядам. Она полагает, что такого выбора можно лишь стыдиться. По мнению Гайи, я должна ходить каждый день на работу в мини-юбке и на высоченных каблуках. И не важно, что я по несколько раз в день забираюсь вверх по стремянке и часами нахожусь в позе, которую и без того сложно назвать комфортной. «Если бы у меня были твои ноги...» – все время твердит она. И еще каждый раз повторяет изречение Коко Шанель: «Надо всегда быть элегантной, каждый день, потому что судьба может ожидать вас за углом». Сама Гайя ни за что не выйдет из дома, пока не накрадется, не нарядится и не уложит волосы.

Порой я удивляюсь, насколько мы не похожи друг на друга; и если бы Гайя не была моей лучшей подругой, я бы, наверное, ее не переносила.

– Ну ладно, Эле, – возвращается она к излюбленной теме как ни в чем не бывало, – сегодня вечером ты должна обязательно прийти в «Молл».

– Гайя, не обижайся. Но я тебе уже сказала, что не могу! – Когда она так настойчива, мне это действует на нервы.

– Ну там же будет Боб Синклэр!

– Кто это? – спрашиваю, и у меня на лбу загорается надпись: «ФАЙЛ НЕ НАЙДЕН».

Гайя с отчаянием вздыхает.

– Ну, это французский диджей, он знаменитый. Он был в жюри Венецианского кинофестиваля на прошлой неделе...

– Тогда понятно!

– А еще, – продолжает она, – проверенные источники сообщили мне, что сегодня вечером в «Прайв» будут разные знаменитости, в том числе и... слушай внимательно, – она делает театральную паузу, – Самуэль Белотти!

– Нет! Велосипедист из Падуи? – охаю я в отчаянии, абсолютно неодобрительным тоном.

Это один из «знаменитых» поклонников Гайи, которых она во множестве оставила на своем пути по всей Италии и даже по миру.

– Именно он!

– Я вообще не понимаю, что ты в нем нашла: это самоуверенный кретин, и что в нем эдакого потрясающего?

На мужчин у нас с Гайей тоже разные вкусы.

– Ну, я-то знаю, что у него потрясающее, – хихикает она.

– Ой, ладно, ну а что дальше?

– Я ему написала эсэмэску. Он пока не ответил, потому что сейчас у него какая-то модель, – вздыхает она, – правда, и не отшил меня окончательно, так что я не сдаюсь... Думаю, он просто тянет время.

– Не знаю, где ты вообще таких типов находишь, и знать не желаю!

– Работа, дорогая. Просто работа, – отвечает она мне, а я прекрасно представляю двусмысленную улыбку на ее лице в этот момент. – Связи с общественностью, как известно, очень тяжелый труд.

– Слова «труд» и «работа» в твоих устах приобретают совсем иное значение, – пытаюсь спровоцировать ее, скрывая легкую зависть. Признаю, я согласилась бы хоть в этом походить на нее. Я слишком правильная и ответственная, а она – олицетворение легкости и дерзкой беззаботности.

– Эле, ты меня не ценишь. Моя лучшая подруга меня не ценит! – смеется Гайя.

– Ладно, слушай, иди в «Молл», развлекайся. И смотри не перетрудишься, дорогая!

– Вот ты всегда отказываешься! Но я не отстану и все равно буду надоедать тебе, сама знаешь. Я не сдамся, дорогая...

И я прекрасно понимаю, что такой маленький театр – просто наш способ сказать, как мы друг друга любим.

– Сейчас и правда очень неудачный момент: я не могу гулять допоздна, иначе завтра просто не проснусь утром.

– Ну, хорошо, на сей раз я дам тебе выиграть.

Наконец-то!

– Но пообещай мне, – продолжает она, – в эти выходные мы увидимся!

– Клянусь. С субботы я вся твоя!

* * *

Девятую емкость с раствором красного титиановского оттенка тоже можно выбросить: я поднесла фрагмент цвета к коже граната – даже близко не подходит. И я смиряюсь с тем, что придется начинать все сначала, но меня отвлекает шум за спиной. Кто-то зашел с центрального входа и поднимается по мраморной лестнице. Это явно мужские шаги, но был момент, когда я вздрогнула при мысли о том, что это Гайя решила устроить сюрприз. Я слега со стремянки, стараясь не споткнуться о чашечки с краской, которые валяются вперемешку на защитном полотне, закрывающем пол.

Входная дверь открылась, и на пороге возникла щуплая фигура Якопо Брандолини – владельца палатцо и моего заказчика.

– Добрый вечер, – здороваюсь с натянутой улыбкой.

– Добрый вечер, Елена, – улыбается он в ответ. – Как продвигается работа? – Он опускает глаза на разбросанные чашки с раствором, повязывая рукава накинутого на плечи свитера (наверняка он из кашемира).

– Очень хорошо, – вру и сама удивляюсь своей непосредственности, но у меня нет желания объяснять ему детали, которые он все равно не поймет. (И надо бы добавить что-то сугубо профессиональное.) – Как раз вчера я закончила очистку и с сегодняшнего дня могу заняться цветом.

– Отлично. Я очень на вас надеюсь, все в ваших руках. – Он переводит взгляд с пола на меня, его маленькие голубые глазки похожи на трещины во льду. – Как вы знаете, я очень дорожу этой фреской и хотел бы, чтобы она проявилась в лучшем виде. Хотя она и не подписана, в ней сразу видна рука мастера.

– Ее, без сомнения, написал настоящий гений, – киваю я.

Брандолини улыбается с удовлетворением. Ему сорок лет, но выглядит он чуть старше. У него старинная фамилия – он потомок одной из самых знаменитых аристократических семей Венеции, – да и сам Якопо выглядит антично. Худой, с белоснежной кожей, нервное угловатое лицо, пепельно-белые волосы. Но Якопо одевается как старик. Вернее, одежда на нем приобретает странный вид, будто становится ретро. Например, сейчас на нем джинсы «Levi's» и голубая рубашка с коротким рукавом, но он в них тонет, настолько он худой. В нем самом есть что-то старомодное – это не объяснишь. Хотя говорят, что он пользуется успехом у женщин. Мне кажется, просто потому, что он очень богат, – другого объяснения я не нахожу.

– Ну как вы здесь устроились? – спрашивает он, осматриваясь вокруг, чтобы проверить, все ли на своих местах.

– Очень хорошо, – я стягиваю бандану, потому что понимаю, что вид у меня совсем непрезентабельный.

– Если вам что-нибудь понадобится – что угодно, – спросите у Франко. Можете даже отправить его за необходимым материалом.

Франко – это смотритель палаццо, приземистый и очень симпатичный человек, он тихий и тактичный. За десять дней работы я пересеклась с ним всего дважды: в саду внутреннего дворика, когда он поливал агантус, и у входной двери, где он собирался полировать латунную ручку. Он никогда не заходит в палаццо, работает всегда снаружи и около двух часов после полудня уходит. Его присутствие действует на меня успокаивающе.

– Я прекрасно справляюсь сама, спасибо, – с опозданием понимаю, что мой ответ звучит слишком резко, и прикусываю язык.

Брандолини поднимает руки, делая вид, что сдается.

– Ну, так вот, – он прочищает горло, – я зашел, чтобы сообщить, что с завтрашнего дня в палаццо будет новый постоялец.

– Постоялец?

Нет. Это невозможно. Я не привыкла работать в обстановке, когда вокруг меня кто-то ходит и отвлекает.

– Его зовут Леонардо Ферранте, это знаменитый сицилийский шеф-повар, – самодовольно поясняет он. – Он прилетит напрямую из Нью-Йорка для открытия нашего нового ресторана в Сан-Паоло⁵. Открытие через три недели.

Вместе с отцом граф Брандолини управляет двумя ресторанами в Венеции. Один – за площадью Сан-Марко⁶, а второй, поменьше, – рядом с мостом Риальто⁷. У семьи Брандолини есть еще ресторан в Лос-Анджелесе, а также два частных клуба, кафе и арендуемая резиденция. В прошлом году они открыли заведения в Абу-Даби и Стамбуле. Проще говоря, их фотографии часто появляются на страницах желтой прессы, которая так нравится Гайе. Мне же абсолютно наплевать на всю эту светскость, и меньше всего мне нужна какая бы то ни было отвлекающая персона в пространстве, где я работаю.

– Мы из сил выбились, чтобы подготовить все как можно быстрее. Вы же знаете, что венецианская логистика нам совсем не в помощь, – продолжает он, не замечая моего недовольства. – Но видите ли, когда очень чего-то хочешь, никакие усилия не в тягость.

Теперь он меня еще и жизни будет учить! Механически киваю головой; мысль о том, что придется работать, пока по палаццо гуляет неизвестно кто, меня сильно раздражает. Ну как же Брандолини не понимает, насколько у меня деликатная работа?! Малейшее вмешательство нарушает необходимую концентрацию.

– Вот увидите, вы прекрасно поладите с Леонардо, он очень приятный.

– Да, я не сомневаюсь, проблема в том, что здесь...

Он не дает мне закончить.

– Понимаете, я же не мог разместить его в безжизненном номере отеля, – продолжает он с уверенностью тех, кто никогда и ни у кого не спрашивает разрешения. – Леонардо – свободный художник, здесь он будет чувствовать себя как дома. Сможет готовить, когда ему захочется, завтракать поздней ночью и обедать вечером, читать книгу в саду и наслаждаться видом Гранд-канала⁸ с балкона.

Я-то как раз хотела обратить его внимание, что парадный вход соединен с остальными зонами палаццо и нет никакой возможности его обойти. Значит, этот тип в любом случае

⁵ Сан-Паоло (*итал.* San Polo, букв. Святой Павел) – один из шести исторических районов Венеции. Расположен в центре, между районами Сан-Марко и Санта-Кроче.

⁶ Площадь Сан-Марко (*Piazza San Marco*), или *площадь Святого Марка* – главная городская площадь Венеции.

⁷ Мост Риальто (*итал.* Ponte di Rialto) – самый первый и самый древний мост через Гранд-канал в Венеции, один из символов города.

⁸ Гранд-канал (*итал.* Canal Grande) – самый известный канал Венеции.

будет ходить мимо меня по сто раз за день. Но Брандолини и так это прекрасно знает, и, похоже, ему нет до этого никакого дела. Боже, у меня сейчас будет истерика!

– И сколько он здесь пробудет, этот шеф-повар? – спрашиваю в надежде получить ободряющий ответ.

– Как минимум два месяца.

– Два месяца? – эхом отзываюсь я, уже не беспокоясь о том, чтобы скрыть раздражение.

– Да, два месяца, может, больше: до тех пор, пока ресторан не начнет работать самостоятельно. – Граф опять поправляет свитер на плечах и решительно смотрит на меня. – Я надеюсь, для вас это не проблема? – спрашивает он, явно намекая, что «либо так, либо никак».

– Ну, если других вариантов нет... – теперь моя очередь выразить ему «мне это совсем не нравится, но придется смириться».

– Вот и прекрасно, тогда мне остается только пожелать вам хорошей работы, – он подает мне на прощание изящную руку. – До свидания, Елена.

– До свидания, граф.

– Пожалуйста, зовите меня Якопо.

Пытается подсластить пилюлю, сокращая дистанцию между нами? Я натянуто улыбаюсь.

– До свидания, Якопо.

Как только Брандолини выходит, сажусь на диван из красного бархата, который стоит у одной из стен. Я так разнервничалась, что совсем потеряла вдохновение. Терпеть этого не могу! Не хочу ничего знать ни о его ресторане, ни о его титулованном шеф-поваре, мне наплевать на вечеринку в честь открытия в стиле «Тысячи и одной ночи». Я просто хочу работать спокойно, одна, в тишине, – разве это непомерное требование?

Запускаю пальцы в волосы и смотрю на емкости, полные сухой темперы, – они выглядят как напоминание о моей неудаче.

К черту фреску! Уже семь тридцать, рабочее настроение улетучилось. Хватит. Устала. Пойду домой.

Выхожу на улицу, и меня обволакивает сладковатая влажность октября. По вечерам уже прохладно. Солнце почти совсем зашло за Лагуну, на улице горят фонари. Я иду быстрым шагом по улочкам, мысли путаются. Кажется, что они остались в ловушке в пыльном холле палатцо, и, боюсь, останутся там еще долго... И моя мама, и Гайя говорят, что, когда у меня что-то крутится в голове, я становлюсь рассеянной, летаю в облаках. Это правда, я всегда с радостью растворяюсь в своих мыслях и позволяю им унести меня далеко... И с этой привычкой убегать от реальности я не намерена расставаться. Мне нравится гулять одной по городу, когда ноги сами несут меня, а ум остается свободным.

Но вот легкая вибрация и звук внезапно возвращают меня к реальности. На экране айфона непрочитанное сообщение:

Биби, пойдем в кино?

Сегодня вечером в кинотеатре «Джорджоне» показывают последний фильм Соррентино.

Чмок.

Филиппо! Наконец тот человек, с которым я хотела бы провести вечер после такого дня, как этот. Но не думаю, что у меня хватит сил дойти до «Джорджоне». Я очень устала, и меня совсем не привлекает идея сидеть в закрытом зале еще два часа. Хочу упасть на диван и отдохнуть.

Пишу ответ:

А что, если мы поужинаем у меня, а потом посмотрим какой-нибудь фильм? Я – без сил. Не думаю, что буду в состоянии оценить Соррентино.

Моментальный ответ:

ОК. Увидимся у тебя:)

* * *

С Филиппо мы знакомы со времен университета. Познакомились на курсе «Архитектура внутреннего пространства», я была первокурсницей, а он – студентом третьего курса. Однажды он предложил заниматься вместе, и я согласилась. Он сразу показался мне человеком, которому можно доверять, и я чувствовала, что между нами существует какая-то тайная связь. Без каких-либо определенных причин, я просто знала это.

Мы быстро стали друзьями. Ходили вместе на выставки, в театр, в кино или просто болтали вечерами напролет. С тех пор Филиппо называет меня «Биби». Он утверждает, что я похожа на Биби из какого-то японского комикса – немного неуклюжий персонаж, постоянно пребывающий в бессмысленных и странных фантазиях.

Я уже не помню, почему мы потеряли друг друга из виду. В прошлом году я узнала через Гайю, что он начал работать на Карло Дзонте, одного из самых известных итальянских архитекторов, и переехал в Рим.

Потом, месяц назад, он дал о себе знать электронным письмом, так, словно с тех далеких лет прошел всего день: «Я опять в Венеции. Как давно мы уже не ходили в Музей Коррера?⁹» Это приглашение было для меня неожиданным, и я сразу же поняла, насколько мне не хватало Филиппо. Я моментально согласилась.

Тогда мы увиделись впервые после многих лет, но было такое ощущение, что ничего не изменилось. Мы спокойно прошли по залам музея, рассказывая друг другу все новости с того момента, как мы расстались. Мы снова останавливались перед любимыми произведениями (я хорошо помнила его любимые вещи, а он – мои).

Потом мы встретились опять, сходили поужинать, а в другой раз – в кино. Мы с Филиппо подумывали, что было бы здорово устроить встречу выпускников университета, но почему-то так для этого ничего и не предприняли.

* * *

Уже почти девять вечера, трель звонка заставляет меня выскользнуть из ванной. Легкий макияж на глазах, а волосы собраны в короткий хвостик. Открываю дверь, одетая в джинсы, белую майку и шлепанцы, и, пока он поднимается, набрасываю безразмерную толстовку. (Я стараюсь не думать о выражении лица Гайи – что бы она сказала про такой вид. Это моя домашняя одежда, и я уверена, что Филиппо не будет шокирован.)

Он бегом поднимается по ступенькам с двумя коробками пиццы в руках. На входе его встречает теплый, глубокий голос последнего диска Норы Джонс.

– Давай быстрее, пока не остыли! – говорит он, входя. Бросает на пол сумку, на лету чмокает меня в щеку и летит, как ракета, на кухню.

– Ты голодный? – я иду за ним и освобождаю пространство на столе.

⁹ Городской музей Коррера (*итал. Museo Civico Correr*) – художественный музей в Венеции, где представлены различные аспекты традиционной венецианской жизни: старинные предметы, книги, документы и живопись.

– Умираю, есть хочу!

Он уже открыл один из ящиков – с ходу определив нужный, хотя не был у меня дома несколько лет, – и нашел нож для пиццы. Сначала он нарезает мою.

Я смотрю на Филиппо. В его лице есть что-то открытое и светящееся, почти умиротворяющее: может, поэтому мы и стали друзьями в университетский период. Большие глубокие глаза, удлиненной формы – немного азиатские, если бы не их светло-зеленый цвет. И светлые волосы, вихрящиеся в беспорядке на голове.

– Овощи без сладкого перца, как тебе нравится, – он подает мне разрезанную на порции пищу.

Он даже это помнит! Киваю, довольная, а он смотрит на меня своими необычными глазами, которые чуть не насильно приковывают внимание. На какое-то мгновение мы будто застываем на месте, но потом Филиппо возвращается к пицце, а я берусь искать стаканы, просто чтобы чем-нибудь заняться. Это всего лишь мгновение, но мы оба почувствовали, как в воздухе витает какой-то магнетизм.

– Сегодня вечером я тоже буду вегетарианцем, чтобы ты не чувствовала себя одиноко, – шутит он, открывая вторую коробку, и улыбается, обнажая белые ровные зубы. Это еще одна черта, которая мне в нем нравится, как и ямочка на правой щеке.

– Слушай, Биби, ничего, если я тебе скажу, что пиццерия внизу – просто кошмар?

– Да, я не сомневаюсь, – отвечаю, откусив первый кусок, – но все равно буду туда ходить: для меня это единственный быстрый и безболезненный способ пропитания.

– Может, уже пора научиться готовить?

На пару секунд делаю вид, что задумалась, перед тем как ответить.

– Нет!

Он кидает в меня оливкой со своей пиццы.

После еды, пока я завариваю чай из мелиссы, Филиппо просматривает DVD, расставленные в беспорядке на нижней полке библиотеки.

– А это еще что? – смеется он. – Это здесь откуда? – говорит он, размахивая коробкой с фильмом «Давай потанцуем?».

– Ой, наверное, это Гайя здесь оставила, еще давно! – закрываю лицо руками.

Он смотрит на меня с пониманием.

– Послушай, если тебе нравится эта чушь, не стоит стесняться: признание проблемы – первый шаг к ее излечению. Можешь рассказать мне, как другу... Я смогу помочь тебе, если ты захочешь.

– Дурак!

Кино – это одно из тех увлечений, которое мы всегда разделяли с Филиппо. Часто, проходя на кинофорум в университете, только мы вдвоем досиживали до конца сеанса на показах странных фильмов безвестных режиссеров, относящихся к какой-нибудь забытой школе русского авангарда, в то время как наши однокурсники уже давным-давно сбежали в какой-нибудь бар.

Филиппо продолжает просматривать названия фильмов и выуживает «Необычный день» Этторе Скола.

– Я его уже видел раза четыре как минимум, но посмотрел бы еще раз с удовольствием. А ты?

– Для меня это будет третий раз, так что давай!

Филиппо падает на диван. Возится с пультом, бормоча что-то насчет новых сложностей технологий. Меня смешит его неуклюжесть. Я присоединяюсь к нему с двумя дымящимися чашками в руках. Ставлю их на стол, бросаю в угол шлепанцы, отпиваю глоток чая, совершенно забыв, что он горячий, и обжигаю язык. Затем плюхаюсь на диван рядом с ним.

На плазменном экране появляются первые титры, и я чувствую, как колено Филиппо прислоняется к моему. Это прикосновение неожиданно волнует меня, словно я только сейчас осознала, насколько мы близки. Я, как бы устроиваясь поудобнее на диване, стараюсь чуть-чуть отодвинуться от него. Он, похоже, ничего не замечает, наверное, это просто мне показалось...

Фильм продолжается, такой же горький и сладкий одновременно, каким мы его помним. Мы смотрим на экран в религиозном молчании, попивая чай, который за это время достиг человеческой температуры, и иногда перематываем обратно наиболее запоминающиеся сцены. Сейчас Матроянни и Софи Лорен пробуют танцевальные па, следуя узору плиток пола.

Краем глаза замечаю, что Филиппо за мной наблюдает. Я чувствую его взгляд на себе с самого начала фильма, горячий и обволакивающий. Поворачиваюсь и смотрю на него в упор:

– В чем дело?

Он улыбается, как будто я поймала его с поличным.

– Я думал о том, что за эти годы ты совсем не изменилась, – и продолжает пристально смотреть на меня. Я начинаю чувствовать себя неловко.

И пытаюсь отшутиться:

– А я-то надеялась стать лучше со временем.

– Ну, к счастью, ты избавилась от своего единственного недостатка.

Я вопросительно смотрю на него.

– Валерио, твой бывший, – продолжил он.

Толкаю его с оскорбленным видом. С Валерио я встречалась на предпоследнем курсе университета, а Филиппо терпеть его не мог и даже не особо старался это скрыть. «Он слишком поверхностный и недоразвитый для тебя», – повторял он постоянно, выводя меня из себя.

– Мне понадобилось время, чтобы осознать, что ты был прав, – признаю я.

– Давно расстались?

– Года полтора назад.

– И сейчас у тебя никого нет?

Прямо к цели. Я этого не ожидала.

– Нет.

Последовавшее за этим молчание показалось мне давящим. Я хотела сказать еще хоть что-то, чтобы сгладить возникшее напряжение, но в голову ничего не приходило. Не знаю, о чем думал Филиппо, но точно знаю, что я никогда ни о чем таком не помышляла. По крайней мере, до настоящего момента. Я просто была счастлива, что снова встретила старого друга, и даже не задумывалась о том, что между нами может быть что-то еще. Однако моя уверенность в этом испарилась в одно мгновение.

– Это моя любимая сцена, – сказал Филиппо, снова поворачиваясь к экрану.

Матроянни и Лорен поднялись на террасу и складывают развешенные на просушку простыни. Может быть, Филиппо уловил мою неловкость и решил помочь – это в его стиле.

Потихоньку вздыхаю с облегчением и стараюсь отвлечься. Скорее всего, это просто мои фантазии и он вообще ничего такого не имел в виду. Концентрируюсь на фильме и понемногу начинаю и в самом деле расслабляться.

На улице начинается дождь, и у меня такое ощущение, что звук капель, барабаниющих в слуховое окно, отзывается в моем сердце. Это чувство настолько приятно, что хочется полностью раствориться в нем.

Внезапно, словно выходя из глубокой комы, слышу тихий голос, который шепчет мне: «Биби, я ухожу».

Открываю глаза и вижу наклонившегося надо мной Филиппо, по экрану телевизора бегут титры. Пытаюсь подняться.

– Ты почему меня не разбудил?

– Тссс, лежи, – он укутывает мне плечи пледом. – Я позаимствую у тебя сломанный зонтик?

– Можешь и не сломанный взять.

– Не волнуйся... Мне тут недалеко.

Он гладит меня по щеке с невиданной прежде нежностью и легонько целует в лоб.

– Пока, Биби...

Глава 2

Сегодня утром я решила отдохнуть от фрески и заняться массой скучнейших домашних дел. Сразу скажу, я не идеальная домохозяйка. В корзине с грязным бельем высится гора мятой одежды, и я понимаю, что придется пару раз запустить стиральную машинку. Потом захожу в химчистку за платьем, которое я оставила там еще летом, а после этого отваживаюсь на поход в магазин в моем стиле – покупаюсь готовой замороженной едой. Придя домой, подумываю о том, чтобы немного навести порядок, но это желание быстро проходит – лучше уж пойти поработать! Так что беру ключи и спешно выхожу на улицу.

По дороге в палаццо захожу в художественную лавку, мне нужно полкило пигмента цвета морской волны – на случай, если не хватит того, что у меня уже есть. Предпочитаю покупать краски сама, чтобы выбрать нужный мне цвет. Если бы я по совету Брандолини отправляла Франко, он бы каждый раз возвращался с неподходящим оттенком.

В два часа дня улочка, куда выходит центральный вход палаццо, безлюдна. Преимущества работы свободным художником в здании, от которого практически только у меня одной есть ключи (по крайней мере, до вчерашнего дня так и было), – если я отстаю по своему плану работ, то могу спокойно поработать в субботу. В субботу студентов нет, а туристы предпочитают Сан-Марко и Риальто, которые находятся довольно далеко отсюда.

Вставляю длинный ключ в замок ворот, поворачиваю один раз налево и два раза направо и чувствую, что он проворачивается вхолостую. Ворота открыты, и сигнализация не подключена. Так даже лучше, потому что однажды сигнализация сработала по ошибке, и то был единственный раз, когда мне пришлось прибегнуть к помощи Франко. Наверное, это он зашел внутрь. Поднимаюсь по мраморной лестнице и толкаю дверь черного хода, которая отворяется в холл.

Ну вот и наступил момент, которого я так боялась.

Передо мной возвышается массивная спина, облаченная в красную рубашку. Это обещанный жилец. Я не ожидала сейчас его здесь встретить. Он завороченно смотрит на стену с фреской. Неподвижен. Огромен. У ног – дорожная сумка, из которой торчит пола джинсового пиджака, по ее виду сразу можно сказать, что она побывала не в одном аэропорту.

Изображаю легкое покашливание, чтобы объявить о своем присутствии, он поворачивается и окидывает меня таким пронзительным взглядом, что мне хочется повернуться и уйти. Его черные глаза непроницаемы, но при этом излучают такой необъяснимый свет из-под густых бровей, что я теряю дар речи, но потом беру себя в руки.

– Здравствуй, я Елена, – говорю, бросая взгляд на фреску. – Я реставратор.

– Привет, – улыбается, – Леонардо, очень приятно, – он пожимает мне руку, и я чувствую шершавость его кожи. Наверное, кожа на его руках так огрубела от работы. – Якопо мне много рассказывал о тебе.

Темные круги под глазами, чувственные губы, крупный нос, неухоженная, с рыжеватыми проблесками, щетина, темные волосы, которых уже давно не касались ножницы, – кажется, что он сошел с картины Гойи. На вид ему чуть меньше сорока, но производит впечатление чего-то надежного и прочного, как столетнее дерево.

– Эта картина излучает потрясающую чувственность, – говорит он, вновь поворачиваясь к фреске, в голосе слышен легкий сицилийский акцент. Пользуюсь случаем, чтобы получше изучить его: на нем черные льняные брюки, а под наполовину расстегнутой рубашкой угадывается мощная мускулатура. На загорелой груди видна темная поросль. На ногах – старые кроссовки, швы во многих местах разошлись. Кажется, он полон таинственной и дикой силы, которая вот-вот вырвется на свободу из-под одежды.

– Если говорить прямо, то это настоящее изнасилование, – отвечаю ему (когда я чувствую себя не в своей тарелке и хочу отстраниться, то веду себя как училка, это сильнее меня). Опускаю глаза под его взглядом, волна смущения обжигает мне лицо. – Здесь изображена сцена из классической мифологии, похищение Прозерпины, – добавляю уже менее заносчивым тоном.

Он кивает, все еще погруженный в созерцание фрески.

– Плутон похищает Прозерпину и уносит ее в ад, – продолжает он мои слова. – Прежде чем вернуть ее на землю, где она останется в течение шести месяцев, он дает ей съесть девять зернышек граната. Это миф, связанный с циклом времен года.

Один – ноль в пользу сицилийского повара и знатока мифологии: он заставил меня замолчать, и я это заслужила.

Леонардо оглядывается вокруг с восхищением и глубоко вздыхает. На мочке правого уха поблескивает маленькая серебряная серьга.

– Это палаццо просто восхитительно, находиться здесь – большая привилегия, правда?

«Так это и было до сегодняшнего дня, до твоего появления», – думаю про себя, но мне не хватает смелости сказать это вслух.

– Все в порядке, дорогой друг, можем идти, – прерывает нас Якопо. Он появляется внезапно из коридора слева от входа и, заметив мое присутствие, здоровается: – Добрый день, Елена.

– Добрый день, граф... эээ... Якопо, – мне все еще сложно называть его просто по имени.

– Я вижу, вы уже познакомились?

– Да, – отвечает Леонардо. – Елена была так добра, что рассказала мне о своей работе, – говорит он за меня (на самом деле я вела себя не так благочинно) и смотрит на меня с общечеловеческим видом, но я не отвечаю.

Брандолини благостно улыбается.

– Пойдем, Лео, – и берет его за руку. – Покажу тебе твои комнаты, вчера Ольга привела их в порядок.

Леонардо поднимает сумку с пола, перевешивает ее через плечо и следует за графом.

Беспокойная мысль настигает меня при одном упоминании прислуги.

– Якопо, простите... – говорю более тонким голосом, чем мне хотелось бы.

– Да? – граф оборачивается вместе с Леонардо.

– Да нет, ничего, просто хотела попросить об одолжении, – стараюсь говорить как можно более спокойным тоном. – Не могли бы вы предупредить Ольгу не убирать ничего здесь, это может помешать реставрационной работе.

– Конечно, не беспокойтесь, – успокаивает он меня. – Я ее уже предупредил.

Я снова чувствую взгляд Леонардо на себе, игнорировать его невозможно, он как магнит.

Благодарю и отворачиваюсь, чтобы избежать его магнетизма. Двое мужчин прощаются и уходят.

Вздыхаю поглубже, чтобы освободиться от этого странного волнующего ощущения, но не помогает – и сразу же принимаюсь за работу: я хочу попробовать голубой тон, который только что купила. Дохожу до кухни и наполовину заполняю водой из-под крана мой кувшин с фильтром. (Жесткая вода Венеции губительна, она может сильно исказить оттенки цвета. Убедилась в этом на собственном опыте и теперь горжусь своим открытием.)

Из правого крыла палаццо улавливаю голоса и передвижения двух непрощенных гостей. Пора смириться с этим, но пока не знаю как. Остается надеяться, что этот Леонардо окажется замкнутым типом и будет проводить все дни в ресторане, а в остальное время будет сидеть

в своей комнате. Не хочу, чтобы он путался у меня под ногами, его присутствие заставляет меня ощущать неловкость.

Опускаюсь на колени на защитное полотно и начинаю смешивать в трех чашках белый и синий пигменты в разных пропорциях. Подобрать цвет одежды Прозерпины не так сложно, как гранат. На третьей чашке мне кажется, что я уже близка к нужному тону. Это просто проба, необходимая скорее для удовлетворения моего маниакального стремления к совершенству и для проверки качества нового пигмента.

– Дорогая Елена, я ухожу, – Брандолини появляется у входа как-то неожиданно, на сей раз один, – оставляю вас в хорошей компании. Вот увидите, вы с Лео поладите, – повторяется он, и мне кажется, что ни к чему хорошему это не приведет. Проводит указательным пальцем по ручке двери черного хода, как будто смахивая с нее несуществующую пыль. – Удачно поработать! До свидания!

– До свидания, господин граф... Вернее, Якопо.

* * *

Уже около шести, а Леонардо пока не видно. Поначалу я слышала классическую музыку, доносящуюся с верхнего этажа, потом и она смолкла. Думаю, он проспал весь день: по прибытии из Нью-Йорка разница во времени переносится тяжело. В любом случае, пусть так и остается в своей норе, меня это устраивает.

Захожу в ванную, чтобы умыться и переодеться. Снимаю рабочую футболку и джинсы и надеваю чистые брюки и хлопковую рубашку, которые принесла с собой в спортивной сумке. Это и есть мое представление об элегантности, что бы там ни говорила Гайя.

Сегодня вечером я ужинаю у родителей – будем праздновать выход на пенсию моего отца, военно-морского офицера. После 45 лет безупречной карьеры лейтенант Лоренцо Вольпе уходит на заслуженный отдых. По иронии, я – дочь морского офицера – почти не умею плавать. Возможно, в этом виновата моя мать. Если она видела, что во время летних каникул в Лидо¹⁰ я слишком далеко заплываю от берега, то всегда пугалась, что мне не хватит сил вернуться обратно. Уверена, именно от нее мне достался нервный и, надо признаться, слегка неуравновешенный характер. А от отца я унаследовала безграничное упрямство и полную отдачу работе.

Заранее знаю, что, как только зайду в дом, мама встретит меня словами о том, какая я худая, уставшая и ужасно неухоженная, несмотря на мои жалкие попытки скрыть следы стресса мазками румян и помады. А папа будет просто молча смотреть на меня весь вечер, а когда наступит время прощаться, он проводит меня до двери с руками, сложенными за спиной. «Все хорошо? – спросит он перед тем, как выпустить меня. – Если тебе что-то нужно, помни, что мы всегда рядом». Я попрошу его не волноваться, поцелую в щеку, как обычно, и вернусь домой умиротворенная и спокойная, какой бываю только после вечера с родителями.

Я уже давно их не видела, и мне очень хочется, чтобы кто-нибудь обо мне позаботился.

Облизываю губы перед зеркалом, чтобы распределить нанесенную в спешке помаду, складываю все в сумку и – готово! Перед тем как уйти, бросаю быстрый взгляд на лестницу. Леонардо все еще забаррикадирован в своих комнатах. Может, стоит попрощаться?

Решаю, что не стоит.

Выхожу из массивных деревянных ворот, стараясь не шуметь, и, оказавшись на улице, в инстинктивном порыве поворачиваюсь, чтобы посмотреть на палаццо. На парадном этаже

¹⁰ Лидо (*итал.* Lido) – цепочка песчаных островов, отделяющих Венецианскую лагуну от Адриатики. Главный остров архипелага (Лидо) славится своими пляжами.

включен свет. Мне кажется странным, что с сегодняшнего дня я больше не одна наедине с моей фреской.

* * *

Поздним вечером влажного, но необычно теплого для Венеции воскресенья мы с Гаей договорились встретиться на аперитиве в «Стене» в Риальто. Совсем недавно она пригрозила мне по телефону: «Если не придешь одетой как нормальная девушка, клянусь, я позову вышибалу!» Обычно я игнорирую ее советы, но иногда мне нравится подыгрывать ей. Итак, о туфлях на 12-сантиметровой шпильке даже и речи быть не может, поэтому я выбрала босоножки из зеленой парчи с каблуком восемь сантиметров и открытое короткое платье с черным блейзером сверху. Для меня это большое достижение: мне трудно представить себя еще более женственной (ну, может, если что-нибудь сделать с моим школьным каре...). Догадываюсь, что скоро буду ругать себя за каблуки, потому что вечером в Венеции все ходят пешком между мостами – такси заламывают непомерные цены, а водные трамвайчики курсируют реже. Гайя просто обязана будет признать, что мне это дорого обошлось!

В «Стене» уже полно народу, все толкаются между барной стойкой и стеклянными витринами, выходящими на площадь. Я не горю желанием войти в эту толчею, но обязана, по крайней мере ради оправдания нечеловеческий усилий, дойти сюда на каблуках. Проталкиваясь локтями и вышагивая, как модель в конце карьеры, прокладываю себе дорогу от входа. Наконец оказываюсь внутри клуба, живая и невредимая. Там царит хаос: ритмичная громкая музыка, танцующая толпа, и все уже напилось до запрещенного законом градуса, хотя еще только семь вечера. Поскольку я редко пью, мне никогда не удавалось вписаться в обстановку чисто алкогольного удовольствия, в то время как, скажем, Гайя может спокойно выпить три мохито за вечер без видимых признаков опьянения.

А вот и она, светская львица! Переходит от одного стола к другому, ослепительно улыбаясь и приторно приветствуя всех визгливым тоном, перекрывающим ультразвуковой предел. Блондинистый хвост мелькает в толпе: и без того высокая, Гайя ни за что не откажется от высоких каблуков. Вот она остановилась возле группы наших общих знакомых. Поднимаясь на цыпочки, подаю ей знак издали. К счастью, она меня заметила. Машет руками, приглашая подойти. Столкнувшись с десятком человек, ныряю в толпу – и вот я уже рядом с ней.

– Ну, наконец-то! Ты где была? – целует меня в щеку. Потом, как по сценарию, ее взгляд падает на мои ноги. – А эти босоножки? Какой стильный зеленый цвет! Молодец, Эле, мне нравится!

Проверку я прошла, теперь по крайней мере не рискую быть выдворенной вышибалой.

– Ну что, как все прошло с твоим велосипедистом вчера вечером? – шепчу ей на ухо, щипая ее за бок.

– Мы с ним так и не встретились, – лицо Гаи принимает удрученное выражение, которому сложно поверить. – Боюсь, у него сейчас совсем другое в голове.

– Да ну?! – притворяюсь удивленной.

– Ой, ну я же не позволю какому-то Белотти так со мной обращаться! Об этом даже и речи быть не может, – хорошее расположение духа возвращается к ней моментально. – Ну... конечно, местечко в моем сердце для него всегда найдется, но оставляю выбор за ним. Если я ему нужна, пусть завоевывает мое внимание.

– Ну-ну... – Я продолжаю недоумевать, почему ее так интересуется этот тип. Необъяснимые загадки любви. Или, скорее, гормонального всплеска в случае Гаи.

– А еще вчера вечером в «Пикколо Моло» я наткнулась на Тиаго Мендозу. Это он позирует для Армани. Обменялись телефонами.

– Я смотрю, ты время не теряешь, да? – Не знаю, кто этот новый фигурант, но для Гайи типично в пику любовному разочарованию бросаться в водоворот новых завоеваний.

В ответ она громко смеется, потом продолжает, обращаясь к остальной компании:

– Ну что, выпьем? Еще по спритцу¹¹ каждому?

Все соглашаются единогласно. Гайя берет меня под руку и опять затаскивает в толпу.

– Нико, сделаешь мне восемь спритцев с аперолом? – спрашивает она у бармена, облокачиваясь на барную стойку и взмахивая густо накрашенными ресницами.

– Конечно, amore!¹²

Это так типично для венецианцев, мужчин и женщин, обращаться друг к другу «amore», даже если вы знакомы менее часа. И бармен Нико – он будущий актер – не исключение.

– А еще одну кока-колу для моей подруги, – добавляет Гайя, предвосхищая мой заказ.

Все остальные подходят к стойке, и в одно мгновение стаканы переходят из рук в руки, соединяясь для тоста.

– Пошли покурим? – предлагает кто-то. Стая мирно следует в направлении выхода. Гайя остается со мной и усаживается на барный табурет напротив. Кока-колы что-то долго нет.

– Филиппо подойдет к ужину? – спрашивает она.

– Похоже, да.

– Я буду рада снова увидеть его.

В начале нашей дружбы с Филиппо Гайя уже окончила университет, но когда я их познакомил, они сразу же нашли общих знакомых: Венеция – довольно маленький город, здесь все друг друга знают, особенно если вы светская тусовщица вроде Гайи.

В этот момент ее кто-то зовет из угла с диванами.

– Извини, пойду поздороваюсь, – говорит она, спрыгивая с табурета.

– Иди, иди, – отвечаю, – занимайся работой!

Гайя подмигивает, она уже готова к импровизированному модному показу в своих новых джеггинсах (совсем недавно и конечно же благодаря ей я обнаружила, что так называются джинсы, облегающие ноги до удушья). Гайя их часто надевает, хотя у нее полные икры (существенный для нее повод для отчаяния).

Я наслаждаюсь спектаклем со своего барного табурета: кошачья походка и майка, искусно обесцвеченная на груди линиями пятнами – ради эффекта пуш-апа, потому что на самом деле природа наделила Гайю лишь вторым размером (но об этом знаю только я и мужчины, с которыми она спала).

Нико наконец-то подает мне кока-колу.

– Добавь мне льда, пожалуйста, – прошу его.

– Amore, и лимончика тоже положить?

– Да, спасибо.

Делаю первый глоток через соломинку и чувствую вибрацию телефона. СМС от Филиппо:

Биби, я опаздываю.

Буду через полчаса.

Целую.

¹¹ Спритц (*итал. Spritz*) – слабоалкогольный коктейль, представляющий собой смесь белого игристого вина (традиционно просекко) и настойки аперол, популярен в качестве аперитива в регионе Венето.

¹² Amore (*итал.*) – amore, любовь, используется также в качестве обращения «любимый/ая»

Отвечаю ему сразу же, надеясь, что он придет побыстрее:

ОК, мы тебя ждем!

Я только закончила писать сообщение, как вдруг чья-то рука трогает мое обнаженное плечо. Отшатываясь в испуге, передо мной – Леонардо Ферранте, *жилец*.

– Привет, Елена, – здоровается он, – мир тесен!

У него все тот же слегка неухоженный вид, рубашка выглядывает из мятых брюк, но кажется, что он действительно рад меня видеть.

– Здравствуйте...

Он застал меня врасплох, я усаживаюсь поудобней на табурете и пытаюсь понять, а рада ли я нашей встрече. Вид этого мужчины парализует меня, я не могу собраться с мыслями в его присутствии. И это мне не нравится.

Он садится рядом без приглашения, уставившись на меня черными глазами.

– Ты одна? – он трогает меня за плечо, и не знаю почему, но меня это волнует.

– Нет, я с друзьями, – отвечаю, показывая рукой на толпу в клубе, чтобы дать понять, что сейчас все разошлись, а вообще я не одна.

В Леонардо есть что-то, что пронзает меня, словно удар в солнечное сплетение. Я хочу, чтобы он ушел. ...Наверное. В этот момент он поворачивается к какой-то компании, которая как раз усаживается за стол.

– Вы пока заказывайте, – говорит повелительным тоном, – я сейчас подойду. – Потом поворачивается ко мне и добавляет: – Вся команда этого ресторана – мои подчиненные.

– А, ну если вам надо идти... – отвечаю я на одном дыхании.

– Да нет, я рад, что мы встретились. Давай перейдем на «ты»? – продолжает он. Похоже, несмотря на то, что я продолжаю обращаться к нему на «вы», он решил все-таки сократить расстояние между нами.

Морщу лоб и разглядываю свои руки.

– Да, конечно... – бормочу я в ответ. Из вежливости и чтобы снять неловкость, я решаю продолжить разговор. – Вчера, выходя из палатки, я старалась не шуметь. Надеюсь, я тебя не разбудила.

Моментально начинаю жалеть о сказанном. На самом деле это он должен стараться не беспокоить меня. Зачем я чуть ли не оправдываюсь?

– Не волнуйся, я крепко сплю. – Леонардо перехватывает взгляд бармена, который за это время приблизился к нам: – Мне белый martini.

Нико наполняет его бокал, и он вытаскивает кошелек.

– Я заплачу и за нее тоже, – кивает он в мою сторону.

– Нет, не стоит, – пытаюсь противостоять и открываю свою сумочку, но Леонардо останавливает меня, взяв за руку. Мое запястье кажется совсем маленьким в его пальцах, а его рука сжимает мою легко, но твердо. Он качает головой, и я сдаюсь.

– Ладно... Спасибо.

Попивая свой martini, он смотрит на мой стакан.

– А ты не пьешь?

– Нет, – быстро отвечаю я.

– Плохо, очень плохо, – улыбается он, – тому, кто пьет только воду, обычно есть что скрывать.

– А я пью не только воду. Сейчас, например, пью кока-колу.

Леонардо смеется, обнажая крепкие белые зубы. И мне почему-то кажется, что он смеется не над моей шуткой, а надо мной. Потом отпивает глоток из своего бокала и пристально смотрит на меня с серьезным выражением лица.

– А тебе ведь не по душе мое присутствие в палаццо?

– Нет, – автоматически отвечаю я и тут же останавливаюсь. Понятно, что он не просто задал мне этот вопрос и ему нет никакого дела до моих фальшивых вежливых ответов. Я пытаюсь начать заново и, набравшись смелости, выдаю: – Действительно, я бы предпочла оставаться одна. Я просто не могу сосредоточиться, когда поблизости кто-то есть. Ну и потом, работа реставратора требует уединения.

Я ожидаю, что он мне ответит что-нибудь вроде «Понял, постараюсь беспокоить как можно меньше». Но нет. Сидит и смотрит на меня так, словно только что понял обо мне что-то важное, что от меня ускользнуло.

Внезапно он протягивает руку ко мне. Я инстинктивно отодвигаюсь. Когда это я позволила ему меня трогать? Он запускает мне в волосы пальцы, их кончики касаются моей шеи.

– Осторожно, у тебя упало вот это. – И я вижу между его указательным и большим пальцем свою серьгу. Несколько мгновений смотрю замерев, потом беру ее и продеваю обратно в мочку.

– Это часто случается, застежка разболталась, – оправдываюсь я, стараясь избежать его взгляда. Мое лицо покрывается всеми оттенками красного. Ну вот, теперь я действительно хочу, чтобы он ушел.

К счастью, один из коллег зовет его. Леонардо кивает ему и снова поворачивается ко мне.

– Извини, вернусь к команде, – говорит он. – До завтра.

– Да, конечно, до завтра.

Я смотрю, как он присоединяется к своим коллегам, и, проверяя еще раз ускользнувшую сережку, стараюсь сбросить это странное чувство неловкости.

Почти сразу же появляется Гайя, которой удалось освободиться от своих общественных обязанностей. Она заново усаживается на стул, уставившись на меня взглядом полицейского. Я уже психологически готова к допросу.

– Эле, *солнышко*, – и я уже понимаю, что она хочет от меня, – кто этот тип?

– Кто?

– Только не притворяйся, что не понимаешь, о ком речь, – затыкает она меня, – тот, с кем ты разговаривала пару минут назад.

– Это тот, кого Брандолини решил поселить в палаццо. Его зовут Леонардо, он шеф-повар, – в моем голосе слышна нетерпимость.

– Интересно... – Гайя наблюдает за ним издалека. – А сколько ему лет?

– А я-то откуда знаю? Я с ним едва парой слов перекинулась.

– Ты что, не могла нас познакомить? Он ужасно сексуальный!

– Боже мой, Гайя, ты вечно за кем-то охотишься! – развожу руками. – И вообще, я не понимаю, что в нем такого, он просто мужлан, – говорю, поглядывая на Леонардо.

– Ну, могу поспорить, что он точно не один из этих мальчиков-мажоров, уж поверь мне, Эле, он настоящий мужик! – Гайя прикусывает губу.

Я подыскиваю слова, чтобы возразить ей, но в голову ничего не приходит.

– Девчонки! – знакомый голос спасает меня от лекции по мужской антропологии, которую собирается преподавать мне Гайя.

Филиппо пробирается сквозь толпу и приветствует нас обоих поцелуем в щеку.

– Простите, в офисе был завал, этот козел Дзонта заставляет меня работать даже по воскресеньям. Он и его клиенты-миллионеры... Гайя, сколько мы с тобой не виделись?

– Пару лет, Филиппо. И пожалуйста, не говори мне, что я постарела, даже если ты так подумал! – Дружно начинаем смеяться. Гайя протягивает ему спиритц: – На, выпей, и пойдем все вместе ужинать.

– Вы уже решили куда? – Филиппо выпивает коктейль без возражений.

– Почему бы нам не пойти в вегетарианский ресторан в Гетто? – предлагаю я. По их взглядам понимаю, что моя идея не вызвала особого энтузиазма.

– Эле, – начинает Гайя, – как бы тебе сказать... Ты и твои навязчивые идеи насчет мяса уже, честно говоря, достали.

– Ок. Считайте, что я ничего не говорила. Бесчувственная! – Делаю вид, что дуюсь, но на самом деле я никогда не обижаюсь на Гайю, пусть подшучивает над моими вегетарианскими пристрастиями.

– А пойдем в «Мирай», японский ресторан на Каннареджо?¹³ – предлагает Филиппо.

– Ура! – восклицает Гайя. – Обожаю суши. А там их потрясающе готовят.

– Ок, а я смогу взять рис с овощами.

– Ну что, все согласны? – Филиппо смотрит на меня, как бы говоря: «Надеюсь, что мы пришли к компромиссу».

Я улыбаюсь:

– Хорошо, пойдем!

* * *

В «Мирай» мы провели прекрасный вечер. Ужинали вдесятером – Гайя пригласила по дороге знакомых, которых мы встретили. Естественно, это было запланировано заранее, потому что после ужина наша «королева диско» затащила всех в «Пикколо Мондо» – одну из дискотек, где она работает PR-менеджером. Пошли все, кроме меня и Филиппо. Как только я отказалась от приглашения, Филиппо предложил провести вечер вместе, и мы пошли просто гулять по улицам. Мы были не одни такие – погода еще стоит довольно теплая, не хочется сидеть дома. Бары были полны, и иногда из них выходил кто-нибудь шатающейся походкой. Я тоже начинаю уже шататься, но не из-за выпитого, а по вине босоножек, которые сводят меня с ума.

– Все, я больше не могу, давай остановимся на минутку, – не закончив фразу, я падаю без сил на пустую скамейку и начинаю рыться в сумке в надежде найти пластырь. Его нет! Я думала перед выходом, что надо бы взять парочку, а потом забыла. Снимаю босоножки и смотрю на свои красные, распухшие стопы с отметинами от лент. Жестокость моды.

– Боже, что я с вами сделала... – бормочу, потирая ступни.

Филиппо берет мою правую ступню и кладет себе на колени, заставляя меня повернуться всем телом к нему.

– Ты что делаешь? – спрашиваю с изумлением.

– Скорая помощь, – отвечает он, начиная массировать мою ногу. Его прикосновения оказывают оживляющее воздействие, и я чувствую, как кровь опять начинает бежать по венам. На мгновение всецело отдаюсь этому ощущению, позволяя его рукам продолжать свои мягкие движения. Но постепенно облегчение сменяется смущением: я лежу на скамейке в центре Венеции, а Филиппо массирует мне ноги. Это немного странная ситуация и очень интимный процесс. Я смотрю на Филиппо и вижу, что он тоже за мной наблюдает, но не так, как смотрел бы на меня просто друг. Наши лица находятся совсем рядом, мы близки к поцелую, и я чувствую, что это вот-вот случится. Хочу и одновременно боюсь этого, задерживаю дыхание...

Звонок моего мобильного резко возвращает нас к реальности.

– Эле, извини, что так поздно. Ты спишь? Это Гайя.

– Нет, нет...

¹³ Каннареджо (итал. *Cannaregio*) – один из шести исторических районов Венеции.

Волшебство момента улетучилось, я в спешке стараюсь надеть босоножки. Пока я их застегиваю, кидаю взгляд на Филиппо: он кажется разочарованным. Наверное, я тоже. Но ничего не поделаешь. Гайя старается привлечь мое внимание:

– Эле, ты меня слышишь? Ты где?

– Да, извини, я еще иду...

– Слушай, у меня дерьмовая ситуация. Я поругалась с Франком из «Пикколо Мондо»... Он вообще больной, вызвал меня к себе в офис и начал кричать, что в последний раз я ему привела отморожков в клуб. Я ушла, хлопнув дверью, только ключи и все остальное осталось у него на столе.

– Ну так вернись и заberi их.

– Нет, Эле. Я вообще больше не хочу видеть этого придурка. Зайду завтра, когда дискотека будет закрыта и его там не будет. А сегодня вечером... можно я у тебя переночую?

– Конечно, жду тебя дома, до скорого.

– Я буду через две минуты.

Две минуты? Значит, она уже знала, что я ей не откажу.

Кладу трубку и поворачиваюсь к Филиппо.

– Извини, но Гайя едет ко мне, потеряла ключи.

Он улыбается, но в его глазах заметно легкое смятение.

– Ничего страшного, Эле. Я провожу тебя до вапоретто¹⁴.

Мы ждем его минут пятнадцать почти в полном молчании, все еще ощущая неловкость из-за неслучившегося поцелуя. Перешучиваемся, стремясь сгладить напряжение. Когда подходит вапоретто, он кажется мне сказочным принцем, приехавшим спасти меня, и я вхожу на него с радостью, чуть не бегом.

– Биби, мы ведь еще увидимся, правда? – спрашивает Филиппо.

– Конечно, до скорого, – отвечаю и машу ему рукой.

И ускользаю вдаль по воде.

* * *

У двери подъезда меня ждет Гайя, все еще злая. Поднимаясь по лестнице, она подробно рассказывает мне все, что произошло с Франком, и это отвлекает меня ненадолго от происшествия с Филиппо. Иногда она слишком горячится, и я напоминаю ей, чтобы говорила потише: уже поздно и все в доме спят.

Умываясь в ванной, ловлю на себе взгляд Гайи, которая наблюдает за мной в зеркале.

– Ты ведь ничего от меня не скрываешь?

Ну вот, она опять вошла в роль Великого инквизитора!

– А что мне от тебя скрывать? – бурчу, чистя зубы.

– Ну, не знаю, ты и Филиппо – что-то между вами происходит. Я чему-то помешала?

– Гайя, мы просто друзья.

Но она мне не верит.

– Ммм... Мне кажется, ты ему нравишься. Всегда нравилась!

Пожимаю плечами.

– А тебе он нравится?

– Не знаю. Я никогда об этом всерьез не задумывалась, – и я говорю правду. По крайней мере, не задумывалась до сегодняшнего вечера...

¹⁴ Вапоретто (*umal. vaporetto*) – маршрутный водный трамвайчик, единственный вид общественного транспорта в островной Венеции.

* * *

Мы забираемся под одеяло в мою двуспальную кровать, и почему-то внезапно нас это очень веселит. Гайя бросает мне в лицо подушку, и сразу же вспоминаются домашние вечеринки, которые мы устраивали подростками. Смеемся над тем, какими мы были тогда и какими стали сейчас. Выключаю ночник и желаю ей спокойной ночи.

Я уже засыпаю, когда голос Гайи снова будит меня:

– Эле...

– А? – отвечаю я спросонок.

– А этот Леонардо... Ты говорила, что он живет в палаццо. Это там, где ты работаешь, да?

– Ну да.

– А где это?

– Завтра объясню, спи уже.

Глава 3

– Эле!

Кто-то трясет меня за плечо.

– Давай, Эле, просыпайся! – Голос Гайи возвращает меня к реальности.

– Что такое?... – бормочу я заспанным голосом.

– Черт, я вспомнила, что надо ехать в аэропорт, встречать Контини... режиссера...

У него встреча в ателье Николао – просмотр костюмов для следующего фильма.

Нос улавливает заманчивый аромат свежесваренного кофе.

– А который час?

– Уже семь пятнадцать. Вся надежда лишь на то, что рейс из Рима опоздает...

Протираю глаза, чтобы лучше видеть. Гайя уже оделась и накрасилась. Не понимаю, как она еще может ходить во вчерашних сапожках на высоких каблуках.

– Мне пора бежать. Кофе уже готов в кофеварке, – она чмокает меня в щеку, – спасибо, что приютила.

– Не за что, – ворчу я, поворачиваясь на другой бок. – Мне нравится, когда меня пинают ногами всю ночь.

Гайя ворошит мне волосы и выходит, прикрыв дверь, оставляя меня в одиночестве бороться со сном. Я представляю, как она сбегает по лестнице и как, приложив к уху свой стильный *блэкберри*, уже вовсю обсуждает всевозможные шмотки, побрякушки и прочую модную чепуху.

С почти нечеловеческим усилием опираюсь на изголовье кровати. Все мое тело похрустывает; наверное, мне стоит послушать Гайю и записаться в спортзал. По ней уж точно не скажешь, что ей 29 лет, – она просто заряд бесконечной энергии.

Воображаю себя облаченной в цветные легинсы и ритмично пританцовывающей вместе с другими под музыку перед зеркалом. И этот образ сразу отбивает у меня весь спортивный энтузиазм. Пожалуй, придется смириться со скрипящими суставами.

Слезаю с кровати и погружаюсь в недра шкафа, откуда выуживаю наугад юбку и спортивный свитер, а потом ускользаю в ванную.

* * *

Первые лучи октябрьского солнца застают меня уже за дверями дома. Этот мягкий свет согревает меня. Сегодня я не сяду на вапоретто – от Сан-Вио до Ка’Реззониго десять минут пешком, и я собираюсь насладиться небольшой прогулкой.

Постепенно начинаю привыкать к солнечному свету. Глаза не должны подвести меня, только не сегодня! Нынче я решила полностью посвятить себя тому самому гранату: найти идеальный оттенок – это мой вызов.

* * *

Иду спокойным медленным шагом; может быть, причина тому – ноющие после вчерашнего вечера ноги или дело в том, что трудно не заразиться спокойствием Венеции.

Первый же мост как бы напоминает мне своим присутствием, что душа этих мест – вода, а вовсе не гранит. Мне нравится останавливаться на минутку, чтобы понаблюдать за течением жизни отсюда, сверху. Подо мной Рио-Сан-Во. Это странный узенький канал-

чик, он соединяет Гранд-канал с Заттере, разделяя надвое район. Отсюда прекрасно видны две стороны Венеции: и Сан-Марко, и Джудекка¹⁵ – Венеция для туристов и для венецианцев.

Колокол на башне церкви Святой Анезе бьет девять часов. Ускоряю шаг, я уже опаздываю. Проходя мимо Галарей Академии, встречаю полную блондинку, которая на английском просит меня сфотографировать ее с женихом. Мне не хочется этого делать – надо поспешить, но все равно соглашаюсь, и она передает мне фотоаппарат, объясняя, на какую кнопку нужно нажимать. Поправляю сумку на плечо и расставляю пошире ноги для устойчивости. Выражение их счастливых лиц застывает в фокусе объектива – *клик*.

Снова навожу объектив. *Клик*: парочка позирует с улыбками в тридцать два зуба и панорамой как на открытке – возможно, этот снимок они выберут потом для своего альбома. *Клик*. Третья фотография, неожиданная, когда они перестают позировать, – получается самая лучшая. Влюбленные размыкают объятия и безгранично благодарят меня. Как и большинство туристов, они приехали не просто посмотреть на Венецию, а воплотить в реальность свою романтическую мечту. И у них есть на это полное право, по крайней мере так думаю я.

Улыбаюсь и убегаю. Легкий ветерок растрепал мне волосы, он еще не обжигает холодом, но становится первым предвестником наступающей осени.

В воздухе разносится запах горячих круассанов и капучино, этот аромат всякий раз сопровождает меня во время прогулки пешком на работу. Я почти никогда не останавливаюсь, чтобы позавтракать в баре. Я вообще обычно не завтракаю по утрам, нет аппетита, и потом – если я наемся, мне захочется спать. Сегодня я останавливаюсь у табачной лавки, чтобы купить лакричные палочки – они помогают мне сохранять внимание и спасают от перепадов давления.

Переулок, где находится палаццо, выходит напрямую на Гранд-канал. Нужно соблюдать осторожность, когда идешь по нему, особенно ночью. Это безлика, затаенная, неосвещенная и далекая от центра улочка, местами поросшая сорняками, которые цепляются за стенки. Никогда не подумаешь, что в конце булыжной дорожки прячется вход в одно из самых красивых зданий Венеции.

На самом деле этот город – урбанистическая аномалия. Все вокруг кажется разрушающимся, будто вот-вот упадет в мутную воду. И в то же время город полон жизни, завораживает своей неповторимой красотой.

Кисточки и темпера лежат там же, где я оставила их в субботу, в том же строгом порядке. Никто их не трогал, это меня успокаивает. Фреска тоже в порядке, с ней ничего не стряслось. Это может показаться странным, но, если оставить произведение искусства без присмотра в период реставрации, с ним может произойти много неприятностей. Каждое утро я боюсь найти на фреске новое пятно влажности, колонию муравьев или отпечатки пальцев.

Из комнат Леонардо не исходит ни звука, наверное, он уже ушел.

Я облачаюсь в рабочую одежду, которая делает меня похожей на *ghostbuster*¹⁶, и приступаю к работе. Я почти готова, осталось только освежить взгляд каплями. По вине Гайи, которая крутилась в постели всю ночь, я плохо спала (если быть совсем честной, то тут есть вина и Филиппо, который не выходил у меня из головы) и теперь чувствую, как веки наливаются свинцом.

¹⁵ Джудекка (итал. *Giudecca*) – самый широкий и ближайший к Венеции остров, отделенный от нее каналом Делла Джудекка.

¹⁶ *Ghostbuster* (англ.) – охотник за привидениями; есть одноименный популярный американский фильм начала 1990#х, где охотники за привидениями были облачены в светлые костюмы.

На мгновение образ Филиппо, массирующего мои ступни, проносится у меня в голове. Это было вчера вечером, но сейчас все случившееся кажется мне сном. Воспоминания уже не такие четкие, и мне не удастся пережить те же самые чувства. Странно.

Вынимаю из кармана комбинезона голубую бутылочку, отклоняю голову назад и капаю по две капли в правый и левый глаз. Поначалу жидкость щиплет, но через пять секунд все проходит, и я снова как новенькая.

Внезапно чувственный смех разносится по холлу. Мои глаза еще затуманены, но я все равно могу различить две приближающиеся ко мне фигуры. Леонардо и... – моргаю, чтобы сфокусировать взгляд, – какая-то красавица с воздушными волосами и бархатной кожей. На ней облегающее короткое платье из красного шелка, которое не только выставляет в выгодном свете стройные ноги, но и полностью обнажает спину, а глаза ее лучатся удовлетворением. Ее виду могла бы позавидовать даже Одри Хепберн.

– Добрый день, Элена, – произносит Леонардо, проходя мимо. Он одет не на выход, на нем толстовка и шлепанцы, и все это составляет необычное сочетание с элегантностью его спутницы.

– Здравствуйте, – отвечаю с намеренной отстраненностью.

Дива адресует мне легкий кивок головой и следует за Леонардо, цокая каблуками по полу. Дойдя до лестничного пролета, ведущего наружу, он проводит рукой по ее спине чувственным и в то же время как бы оберегающим жестом. Контраст между его темной и ее белоснежной кожей – волнующий, я не могу не думать об этом. Сразу видно, что они провели ночь вместе, я практически слышу запах секса, преследующий их.

Собираюсь вернуться к работе, но меня опять отвлекают. На сей раз – грохот снаружи, от которого дрожат стены. Похоже на звук катера. С любопытством отодвигаю штору на одной из балконных дверей, выходящих на Гранд-канал, и вижу моторную лодку, пришвартованную к причалу палатца. Дива уже в лодке: сняла туфли на каблуках и надела кожаную куртку. Она приближается к борту и смотрит на Леонардо. Он не заставляет себя ждать и, нагнувшись с причала, слегка касается ее губами, после чего отдает швартовы¹⁷ и машет ей рукой. Дива надевает черные солнечные очки, переключает ручку передач и уносится вдаль, оставляя за собой серебристый след на воде. Похоже на сцену из фильма, но все это происходит в действительности, у меня на глазах.

Задвигаю шторы и немедленно принимаюсь за работу. Повторяю себе, что меня это абсолютно не интересует, стараюсь думать о другом.

Леонардо возвращается сразу же. Делаю вид, что я очень занята, пока замешиваю наугад какие-то цвета, стараясь смотреть перед собой. Он проходит мимо меня, не сказав ни слова, и, насвистывая что-то, исчезает у себя в комнате.

* * *

Я приготовила красный оттенок, забралась на стремянку и готова приступить к гранату. Надеюсь, что наконец-то можно спокойно работать, но, как обычно, мысли бегут сами по себе, а я начинаю следить за их ходом. Интересно – это была девушка Леонардо или просто приключение на одну ночь? Я никак не могу выбросить из головы воспоминание о том, как он провел рукой по ее обнаженной спине, а потом тот поцелуй – такой мимолетный, но очень чувственный.

¹⁷ Швартов (морской термин от *нидерл. zwaartouw*) – канат, трос, которым морское судно подтягивают и крепят к причалу. «Отдать швартовы» значит отвязать судно от причала.

Из ванной доносится звук льющейся воды, а мощный голос напевает какую-то мелодию, напоминающую мне о море и лете. Похоже, Леонардо совсем не торопится на работу сегодня утром.

Я поворачиваюсь, чтобы взять кисть, и понимаю, что он только что вышел из ванной и идет в холл. Наполовину обнаженный. Бедра обернуты синим полотенцем, волосы влажные. Идет босиком. Он напоминает мне античного воина. Подходит поближе с вызывающим видом, неровный пол трясется под его тяжестью.

– Ну что, Элена, как дела?

– Хорошо, спасибо, – отвечаю вполголоса, изображая безразличие. Мой взгляд прикован к фреске. Я чувствую себя неловко, маленькой и нелепой в моем бесформенном комбинезоне. Ну почему он не оденется?

– А как работа? – Он встряхивает волосами, и облако брызг разлетается в воздухе. Я вижу его краем глаза. К счастью, он находится на достаточном расстоянии от стены.

– Ну, как сказать...

– А ты знаешь, что на этой стремянке ты скорее выглядишь на своем месте, чем на барном стуле клуба?

– Будем считать это комплиментом.

– Это и есть комплимент.

Он не думает уходить. Я чувствую себя под наблюдением, и мне это совсем не по душе.

– Извини, но я очень занята... – говорю, поворачиваясь к фреске.

– Конечно, – говорит он с понимающей улыбкой и поднимает руки. – Тебе не нравится, чтобы рядом кто-то находился, когда ты работаешь. Вчера ты очень прямолинейно все объяснила.

– Вот именно, – бормочу, глядя, как он удаляется в свою спальню. И даже не осознаю, сказала ли я это на самом деле или просто подумала.

Как только остаюсь одна, слезаю со стремянки – мне нужна лакрица. Присутствие любого человека мне мешает, а *его* присутствие совершенно выводит из равновесия.

Глубоко вздыхаю и решаю начать сначала, в то время как кусочек лакрицы тает на языке. Черт, краска совсем засохла! Я сделала ее слишком густой. Теперь придется выбросить, помыть чашки и заново смешать все составляющие. Попробую использовать плоскую кисть, хотя бы для первого слоя, так работа пойдет быстрее.

Забираюсь заново на стремянку, чтобы рассмотреть поближе оттенки зерен и как следует запомнить его. Потом пробую новую смесь красного и фиолетового.

Из коридора справа от меня снова слышу приближающиеся знакомые уверенные шаги. Я инстинктивно поворачиваюсь: теперь он одет. На нем рваные джинсы и белая льняная рубашка – похоже, этот мужчина без ума от льна. На шее – черный шелковый шарф, который развевается при каждом его шаге. Не знаю, как ему не холодно, на улице же октябрь...

Он подходит ближе и облокачивается на стремянку. По моей спине пробегает дрожь, и я чуть не теряю равновесие. Не знаю, что со мной происходит, но это мне совсем не нравится.

– Я пойду за покупками для ресторана, – говорит он, глядя вверх. – В Риальто, тебе что-нибудь нужно?

– Нет, спасибо. Ничего.

– Ты уверена? – Он слегка наклоняет набок голову, и свет отражается в его сережке, заставляя ее мерцать. Его глаза необычайно светятся, будто улыбаются. Никогда бы не подумала, что обычные морщинки в углах глаз могут быть такими сексуальными. Боже, дух Гайи завладел мною!

Прихожу в себя.

– Уверена, абсолютно, – и поворачиваюсь к стене, слегка смутившись. В этот момент фреска – мое единственное спасение. – А, слушай, чтобы попасть в Риальто, советую тебе

сесть на вапоретто, так ты не рискуешь потеряться, – добавляю, стараясь казаться непри-
нужденной.

Он пожимает плечами.

– Ну, разве не романтично – потеряться в Венеции?!

– Я это сказала, полагая, что ты не хочешь напрасно терять время. Наверное, у тебя куча неотложных дел.

– Конечно, но я оставляю всю скучную часть работы моим подчиненным, на мою долю остается все самое интересное, – Леонардо уверенно улыбается.

Вообще он производит впечатление человека, абсолютно уверенного в своем таланте, у которого все получается само по себе, без каких-то особых усилий.

– На кухне остались теплые круассаны и кофе, если ты еще не завтракала.

– Нет, спасибо. Я обычно по утрам не ем. И потом... я не могу сейчас прерывать работу.

– Почему? – он кажется заинтересованным.

– Мне нужно оставаться сконцентрированной на цвете, иначе я его потеряю.

Леонардо потирает подбородок, пристально глядя на меня.

– Цвет этого граната?

– Да, – киваю, глядя прямо перед собой. – Я уже давно над ним бьюсь, он сводит меня с ума. Так много непередаваемых оттенков, не говоря уже об игре света и тени...

Помимо своего желания, я становлюсь болтливой – разговоры о моей работе воодушевляют меня. Наверное, Леонардо это заметил, потому что он улыбается. Внимательно смотрит на гранат, потом на меня, словно обдумывая что-то.

Я внезапно замолкаю. Не знаю, о чем он думает, но повторяю себе, что меня это не должно интересовать. Он и так заставил меня потерять уже немало времени. Собираюсь попрощаться, когда слышу знакомый голос, и слова замирают у меня в горле.

– Эле, ты здесь? – недвусмысленный перестук каблучков по лестнице. – Здесь есть кто?

Леонардо вопросительно смотрит на меня, я в ответ киваю, показывая, что все в порядке. Гайя появляется в холле. Она зашла домой переодеться: на ней уже другая одежда, и, как обычно, она безупречна. Здоровается с Леонардо прежде, чем со мной.

– Привет...

– Привет, – отвечает он с легким поклоном.

– Я пришла тебя проведать, – говорит она мне с невинной улыбкой.

Обманщица! Она ни разу не приходила навестить меня с тех пор, как я работаю в этом палаццо. Здесь она только ради него. И наверное, она подсмотрела этот адрес где-то у меня дома. При необходимости Гайя проявляет недюжинные качества частного детектива.

Я замираю на стремянке, даже и не собираюсь спускаться вниз. По крайней мере, отсюда, сверху, я могу наслаждаться спектаклем, который сейчас разворачивается.

– А разве у тебя не было важной встречи сегодня утром? – спрашиваю просто из садистского стремления поставить ее в неловкое положение.

– Уже все! Я даже успела забрать сумку из «Пикколо Мондо», – быстро отвечает она и смотрит на меня с таким видом, будто хочет сказать: «Ну и когда ты нас представишь?»

Я замечаю, что Леонардо с интересом разглядывает ее, проводя пальцем по губам, одна его рука в кармане джинсов.

– Это Гайя, моя подруга, – говорю я. И сверху фраза звучит необычайно торжественно.

– Очень приятно, Леонардо, – он крепко пожимает ей руку. Не могу понять выражение его лица – зачарованность или любопытство? Я снова принимаюсь смешивать краски, изображая, будто меня совершенно не интересует происходящее на полтора метра ниже.

– Мне тоже очень приятно, – отзывается Гайя.

Даже не видя ее, я представляю, как она кокетливо взмахнула ресницами, и уверена, что она старается изо всех сил.

Вдруг я слышу ее восклицание: «Ну ничего себе, над чем ты работаешь, Эле! Она огромная и абсолютно потрясающая». Я смотрю на Гайю с подозрением – ей всегда было наплевать на фрески и реставрационные работы.

– Вы согласны? – добавляет она, обернувшись к Леонардо. Очевидно: она просто ищет повод поддержать разговор.

– Елена обожает свою работу, это видно с первого взгляда, – теплый тембр его голоса доходит до меня.

Гайя тем временем тут же воспользовалась шансом спросить:

– Ну а ты чем занимаешься?

– Я шеф-повар. Сейчас я работаю в новом ресторане Брандолини.

Могу предугадать следующую фразу Гайи: «Шеф... как интересно!»

– Какая интересная работа – шеф!

Совсем немного ошиблась. Смеюсь про себя, хотя меня все равно никто не видит.

Гайя продолжает задавать обычные вопросы: давно ты в Венеции, надолго здесь останешься, как тебе здесь нравится?...

Хихикает и кивает всякий раз, когда он ей что-то говорит. Я уже выучила весь набор ее обольстительных приемов: томный взгляд, пальцы перебирают пряди волос, кокетливая улыбка, надутые губки.

Я выглядываю с лестницы, чтобы получше рассмотреть сцену и, наверное, чтобы понять, какой эффект это производит на Леонардо. Похоже, ему нравится. И он тоже, как и все остальные, покорен очарованием Гайи. Внезапно он вспоминает обо мне и поднимает взгляд, я стремительно поворачиваюсь на место, чуть не уронив чашку с краской.

– Елена, может, мы тебя беспокоим?

Решаю быть ядовитой:

– Ну, как вам сказать...

Леонардо заново обращается к Гайе:

– Мне пора, я уже опаздываю. В любом случае рад знакомству.

– Я тоже, – отвечает она, тая, словно шоколадка на солнце.

Леонардо прощается и спешит к выходу. Гайя смотрит на его задницу, я смотрю на Гайю, и взгляд неизбежно падает на объект ее интереса. После этого мы переводим взгляды друг на друга.

– Неплохо... – думаем мы обе, но только она произносит это вслух. – Как ты вообще можешь работать, когда вокруг тебя ходит такой муж-чина?

– Может, ты имела в виду, как мне удастся работать, когда вы двое флиртуете тут подо мной?! – отвечаю с негодованием. – Ты еще и делаешь вид, что пришла меня проведать! Совести у тебя нет...

– Ну надо же мне было что-то придумать, раз ты мне не помогаешь. Ты не могла бы, пожалуйста, слезть с этой лестницы?

– Нет.

Со вздохом она ставит ногу на опору стремянки и берется рукой за одну из перекладин, все еще глядя в сторону выхода, за которым скрылся Леонардо.

– Слушай, Елена, в этом мужчине есть что-то феноменальное. Если ты это не признаешь – столкну тебя с лестницы.

Я принимаю безразличный вид.

– Дай мне вон ту губку, чтоб хоть какая-то польза от тебя была.

Гайя молча выполняет это, потом оглядывается вокруг, чтобы изучить обстановку, прежде у нее просто не было на это времени.

– А он вон там живет? – спрашивает, указывая на коридор, ведущий в левое крыло.

– Да.

– А ты видела его комнату?

– Нет, а что?

– Поверить не могу... Тебе что, совсем не интересно?

– Не то чтобы мне неинтересно... – Содрогаюсь от ужаса при одной только мысли о том, что она задумывает.

– А мне вот любопытно! – и она уходит, не дождавшись меня.

– Гайя, немедленно вернись сюда! – кричу ей вслед, но это абсолютно бесполезно. Придется мне слезть с лестницы. Бегу за ней. – Что тебе в голову стукнуло? Прекрати сейчас же! – Я догоняю ее и хватаю за рукав, но она сильнее и с уверенностью увлекает меня за собой.

– Да ладно тебе, только одним глазком взглянем! – настаивает она возбужденным тоном.

Мы уже прошли весь коридор и поднимаемся по лестнице, ведущей на верхний этаж, где находится спальня Леонардо. Не имея возможности остановиться, я вынуждена идти за ней, в надежде помешать ей что-нибудь натворить или, еще хуже, оставить следы своего пребывания.

– Слушай, у меня из-за тебя будут неприятности, я же здесь работаю! – пытаюсь давить на жалость, совсем забыв, что тема моей работы ее мало волнует.

Дверь комнаты открыта. Сама спальня огромна, как я ее себе и представляла, похожа на номер люкс высокосеклассного отеля. Кровать в центре разобрана, перекрученные шелковые простыни свисают с одного конца. Повсюду – красные с золотом обои, которые отражаются бесчисленное множество раз в огромных зеркалах, расположенных по бокам от балдахина. Уютная и элегантная обстановка с ноткой фривольности. Брандолини, конечно же, не случайно поселил его здесь.

– Вот это стиль! – восклицает Гайя.

– Вот это бардак! – эхом отзывается я. Везде полный беспорядок. Похоже, Леонардо не очень-то беспокоится об уборке. На кресле из красного бархата десяток рубашек набросаны одна на другую, а на персидском ковре валяются две пары льняных брюк.

– Это нормально, что он такой несобранный, – говорит Гайя с умным видом, – он же артист!

– Вообще-то он повар, – отрезаю я, – и, думаю, все эти рассказы про гениев и беспорядок – полная чушь или просто предлог.

– Может быть, но в его случае это правда, – упорствует она. – Да ладно тебе! По нему с первого взгляда видно, какой он эксцентричный тип, творческая личность.

– Да ты что?! Ну значит, ты уже все о нем поняла!

– Некоторые вещи очевидны!

На тумбочке возвышается открытая бутылка «Moet & Chandon», а рядом – серебряный поднос, на котором стоят два бокала, один из них – со следами помады.

Гайя кидает на меня вопросительный взгляд, и я подтверждаю ее догадку.

– Сегодня утром с ним была женщина, и было сразу видно, что они провели ночь вместе.

Возможно, я нашла способ немного охладить ее пыл, поэтому добавляю с издевкой:

– К слову, она красивая, богатая и потрясающая. Практически недостижимая. Даже для тебя, моя дорогая, так что теперь можем идти.

– Ммм, игра становится все интересней... – Глаза Гайи загораются любопытством. Похоже, я добилась противоположного эффекта. – Может быть, это не его девушка. Иначе они жили бы вместе, разве нет? – продолжает она, цепляясь за свои догадки. – Для такого мужчины абсолютно нормально иметь любовницу.

На будущее надо бы запомнить, что, пытаясь ее обескуражить, я только подливаю масла в огонь.

Вместо того чтобы выйти из комнаты, Гайя направляется к шкафу и распахивает его. На минуту мой взгляд задерживается на пепельнице, стоящей посреди инкрустированного столика, и я замечаю в ней остатки травки. Ничего не говорю, чтобы не разжигать у Гайи еще больший интерес.

– Он фанат мятого льна! – объявляет она, высунувшись из-за одной из створок шкафа. Потом подходит к креслу, заваленному одеждой, и проводит рукой по вещам, которые надевал Леонардо, с мечтательным видом.

– Он элегантен и с хорошим вкусом. Поверь мне, это редкость в мужчинах.

– Гайя, хватит, ты меня достала! – И, отказавшись от попыток воздействовать на нее с помощью психологических уловок, говорю: – Пойдем отсюда, пожалуйста!

Подхожу к Гайе, чтобы взять ее под руку. И мои ноздри начинает приятно пощипывать насыщенный аромат, похожий на амбру. Я чувствую его очень ясно: это запах Леонардо, вся его одежда пропитана им. Вдруг я ощущаю такое смятение, как будто бы он сам здесь в этот момент. Тяну Гайю за рукав.

– Ну, перестань... Еще только минутку... – протестует она, стараясь освободиться.

Внезапно звук снаружи парализует нас. Слышен скрип закрываемой двери. О господи, Леонардо уже вернулся!

– Вот видишь?! – рычу в панике.

Мы выбегаем из комнаты, слетаем по лестнице. Достигнув холла – с одышкой и бьющимся сердцем, – замечаем с долей сожаления, что это не Леонардо, а всего лишь смотритель дворца.

Я прихожу в себя и здороваюсь с ним, словно ничего не произошло:

– Добрый день, Франко!

– Добрый день, синьорина. Я зашел проверить. Все в порядке?

– Да. Спасибо, все хорошо, – мой голос срывается из-за недавней пробежки. – Я просто показывала палаццо подруге, которая зашла меня про-ведать.

– Здравствуйте, – говорит Гайя, взмахивая рукой в знак приветствия. Франко окидывает нас одобрительным взглядом, тем самым, которым он, я уверена, смотрит на приличных девушек.

– Хорошо, тогда я пойду, – заключает он, приближаясь к выходу, – если вам что-нибудь нужно...

– Спасибо, Франко, мне ничего не нужно. До завтра!

– До свидания!

После того как дверь закрывается, мы с Гаей смотрим друг на друга. Я умираю от желания разорвать ее на кусочки, но вместо этого чувствую, как мышцы лица расплываются в улыбке. Мы начинаем хохотать, прикрывая рот руками, как в детстве, натворив что-нибудь.

Пытаюсь быть серьезной.

– А теперь убирайся. Понятно? – приказываю ей угрожающим тоном. И вдруг понимаю, что уже совсем поздно и мне надо наверстать все то, что я не успела сделать сегодня.

– Ладно, оставлю тебя в покое, – Гайя собирается уходить, но, прежде чем выйти, поворачивается ко мне. – Зато мы повеселились! И как всегда, благодаря мне, – говорит она, подмигивая.

– Брысь отсюда! – смеюсь я.

– До встречи, подружка!

* * *

Уже почти семь, и я смиряюсь с мыслью о том, что пора идти домой, хотя этот день и не был столь продуктивным, как я планировала. Это бесполезно и невозможно – работать с таким количеством народа, который ходит туда-сюда! Практически потеряла утро, и лишь после обеда мне удалось собраться с мыслями, но я решила пока оставить гранат. Я нанесла первый слой облачения Прозерпины – хоть это у меня получилось хорошо.

Открыв ворота, ведущие в переулок, понимаю, что напрасно не придавала значения штормовому предупреждению, объявленному вчера Морским центром. Вода поднимается с пугающей быстротой. Надо было уже давно уходить, когда прозвучала первая сирена, похожая на те, что объявляют комендантский час. Но я, как обычно, уверена, что пройдет много времени, прежде чем вода начнет подниматься. Иногда наводнения вообще не случается. Однако я повела себя просто как идиотка. Резиновые сапоги, естественно, остались дома – с утра было солнце! Я их ношу с собой, только когда они не нужны, так же, как и зонтик.

На цыпочках в своих замшевых балетках я пытаюсь сделать несколько шагов по воде, которая уже начинает течь по улице, медленно, но неотвратно. Это непросто, и когда я добираюсь до конца переулочка, ноги у меня уже совсем вымокли. Можно поискать два пластиковых пакета и использовать их, привязав к щиколоткам. Но, думаю, уже слишком поздно, если принять во внимание, что за какие-то пять минут вода поднялась сантиметров на тридцать.

Я нахожу спасение на еще сухом обломке стены и думаю, *что* мне делать дальше, хотя понимаю, что вариантов не так уж и много. Или пойду к дому, но доберусь туда полностью промокшая и одежду можно будет выбросить, или вернусь обратно в палаццо, рискуя застрять там до поздней ночи, когда прилив воды спадет.

Пока обдумываю эти два варианта, оба одинаково непривлекательных, Леонардо, насвистывая, выходит из палаццо, обутый в рыбацкие сапоги.

– Привет, Елена, ты что там делаешь? – спрашивает он, замечая меня, забравшуюся на стенку, словно кот, страдающий водобоязнью.

– Я тут пыталась вернуться домой... – отвечаю, из последних сил стараясь придать себе независимый вид. – А ты разве не должен быть в ресторане?

– Да, но я в пять вернулся, – он направляется ко мне, передвигая по ходу кубометры воды. – Ты просто настолько была погружена в работу, что даже меня не заметила, а я не хотел тебе мешать.

– Понятно.

Он дошел до меня. Отсюда, свысока, я почти одного роста с ним.

– Что будем делать? – Он изучает уровень воды. – Я подброшу тебя домой?

– А как?

– Забирайся на меня! – приказывает он, похлопывая себя по плечу. – Об остальном я позабочусь.

Предложение кажется слегка непристойным, и я смотрю на него с сомнением. Мне хотелось бы ответить: «Спасибо, не беспокойся, я уж как-нибудь сама разберусь». Но в моей ситуации в это не очень-то верится. Боюсь, придется принять предложение.

– А ты уверен? Потеряешь время из-за меня... – уточняю на всякий случай.

Он отсекает все сомнения решительным жестом руки и поворачивается ко мне спиной. Ок, согласна.

У него огромная спина, мне кажется, что я взбираюсь на гору. Под неизменной льняной рубашкой проступают мускулы. Поднимаю ногу, потом опять ставлю ее на место в сомнениях. Ох, зачем я сегодня утром надела юбку и чулки?! Чувствую себя неуклюжей, как в школе, когда учительница физкультуры заставляла меня взбираться по канату

под жестокими взглядами одноклассников. Надо попробовать снова. Кладу сначала одну руку ему на плечо, потом отталкиваюсь, наваливаясь всем телом на его спину, Леонардо подхватывает мою ногу и устраивает ее вокруг своей талии. Я делаю то же самое со второй ногой.

– Готова? – спрашивает он.

– Думаю, да. – Мое тело теперь полностью прилегает к нему. – А ты? Сможешь?

Он смеется:

– Ты легкая как пушинка.

Он берет руками за мои обнаженные ноги выше колен и, продвигаясь великанскими шагами, переходит первый мост за одно мгновение. Я чувствую, как моя грудь прижимается к мышцам его спины, и притом я обнимаю его за шею, чтобы не упасть. От него приятно пахнет тем же самым ароматом, который я уже уловила сегодня на его одежде. Но под парфюмом чувствуется другой запах, более подлинный и дикий, запах его кожи. Аромат ветра и моря.

– В какую сторону? – спрашивает он.

Я указываю ему дорогу, говоря в сантиметре от его уха, полупшепотом, который почему-то кажется мне двусмысленным, и он идет дальше. Идет спокойно, словно ничего не происходит, я же не перестаю спрашивать у себя, какого черта я делаю на закорках у незнакомого человека. Все это лишено смысла, но не то чтобы мне вовсе не нравилось. Я ощущаю тепло, от которого на мгновение чувствую желание остаться так навсегда, прижавшись к Леонардо. Внезапно понимаю, что мое заветное местечко касается его спины: нас разделяет лишь тонкая ткань трусиков, потому что чулки доходят только немного выше колен. Я уверена, что Гайя отдала бы все на свете, чтобы быть сейчас на моем месте.

Ой, кажется, я соскальзываю...

– Тебе точно удобно? Ты такая легкая. Я почти не чувствую твоего веса, – он сжимает мне ноги и слегка подбрасывает, устраивая меня понадежнее.

Он сильный, мышцы напряжены, горячая кровь пульсирует в венах. Его руки скользят по моим ногам с непринужденной естественностью, которая побеждает все мое смущение. Кажется, будто он уже изучил мое тело, и это приводит меня в растерянность. Я не знаю, что думать.

В переулке Толетта рабочие прокладывают мостки из деревянных брусьев, и от их многозначительных улыбочек и пошлых комментариев я чувствую себя как арабская принцесса на спине верблюда. Моя неловкость растет вместе с водой, которая безостановочно выплескивается из водостоков и заливает все вокруг, размывая стены и круша деревянные доски. К счастью, Леонардо не может видеть, как покраснели мои щеки.

В лавках спешно убирают товар с нижних полок, отовсюду доносится нецензурная брань торговцев. Наводнение ужасно: оно забирает с собой все вокруг, не делая скидок никому и ничему. Вообще-то надо признать, мне сегодня повезло.

Ну вот и пришли. Деревянный мост Академии¹⁸ вырастает перед нами. Сто метров отсюда – и я уже дома. К счастью, начиная с этого места и дальше все уже покрыто мостками.

Легонько щиплю плечо Леонардо.

– Можешь остановиться, – говорю, – отсюда я могу уже сама дойти.

Леонардо останавливается.

– Ты уверена? Мне ничего не стоит пройти еще пару метров.

– Нет, спасибо, достаточно. Ты и так мне очень помог.

На минутку задумываюсь, не предложить ли ему что-нибудь выпить у меня дома, но не хочу создавать повод для двусмысленной ситуации. За нынешний день пропасть между

¹⁸ Мост Академии (*итал. Ponte dell'Accademia*) – самый южный из четырех мостов в Венеции через Гранд-канал.

нами и без того уже немало сократилась. И потом, моя квартира совсем не готова к приему гостей, так что решаю избежать нового повода для неловкости.

– Конец путешествия! – говорит он, ослабляя хватку на моих ногах и легонько задевая трусики.

Он, наверное, даже не заметил этого. Скорее всего, мне просто показалось. Потом сгибает колени и, взяв меня за плечи, помогает спуститься на землю.

Спрыгиваю на мостки, приводя в порядок одежду.

– Мне было приятно помочь тебе.

Я смотрю ему в глаза. Действительно, было приятно? Потому что для меня именно так и было.

– Ну пока, увидимся.

– Пока, Елена, до завтра!

Делает шаг в мутной воде, потом поворачивается, говоря:

– Знаешь, мне понравилась прогулка во время наводнения. Я всегда мечтал об этом. Никогда бы не подумал, что разделю мою мечту с тобой.

Я улыбаюсь ему в ответ. Он тоже улыбается и оставляет меня одну, в то время как Венеция позволяет волнам ласкать себя.

Глава 4

Сегодня у меня нет оправданий, нужно приниматься за гранат, хотя я чувствую себя уставшей. Всю ночь мне снились ужасные кошмары, и когда я открыла глаза утром, то обнаружила, что лежу поперек кровати, простыни перекручены, подушка валяется на полу. С трудом поднимаюсь, пульс ударами отдается в ушах, не помогли даже двадцать капель эфирного масла липы с расслабляющим эффектом. Пытаюсь заняться растяжкой, чтобы размять ноющие мышцы, но, когда понимаю, что носки ног никогда не казались мне настолько далекими, решаю отказаться от этой идеи.

Учитывая общее состояние и мрачное настроение, на работу я поехала на вапоретто – о том, чтобы идти пешком нынче утром, даже и речи быть не могло.

И вот я прислоняюсь к стене и снизу смотрю на гранат. У меня вырывается вздох. Что-то среднее между восхищением и отчаянием.

Мне хотелось бы сказать самой себе, что я полна энергии, что у меня все получится, но это было бы неправдой. И боюсь, что эта реставрация не будет тем совершенством, которого я сама от себя требую, что в конце концов мне придется удовлетвориться приблизительным результатом: возможно, цвет будет не тем, а лишь безуспешной попыткой подражания оригиналу. Я представляю, как неизвестный художник придет ночью ко мне во сне и обвинит в том, что я испортила его шедевр.

Провожу рукой по волосам, чтобы выбросить из головы эти глупые мысли, и надеваю бандану. Мне нельзя отвлекаться, необходимо закончить этот злосчастный гранат. Если не возьму себя в руки, то рискую потерять общее видение картины и испортить все остальное.

Колокол Сан-Барнаба¹⁹ только что пробил одиннадцать часов. Обычно в это время я перекусываю, как в школе, – это мой поздний завтрак, – но сейчас совсем нет аппетита. Утро началось неудачно, и, похоже, дальше будет не лучше. К тому же я потеряла глазные капли. Именно сейчас, когда они мне так нужны. «Ты, как всегда, витаешь в облаках», – сказала бы моя мама и была бы права. Смотрю на пол холла – в надежде, что они выпали у меня из кармана, но безрезультатно. Ну что мне теперь делать?! Идти в аптеку за новым флаконом? Почему бы и нет, я и так ничего пока что не сделала.

К дьяволу капли! Массирую веки легкими движениями кончиков пальцев и взбираюсь вверх по лестнице, повторяя мою новую мантру – *Элена, ты способна это сделать!* – и вот я снова наедине с гранатом. У него вызывающий вид.

Я тебя не боюсь. Я в самом деле тебя не боюсь!

* * *

Я работаю уже час, и почти безрезультатно, когда голос за моей спиной разрушает и без того хрупкую ауру сосредоточенности, которой мне удалось окружить себя.

– Чао²⁰, Элена!

Ферранте! Только его мне не хватало...

– Леонардо... – киваю с рассеянным видом, надеясь, что у него тоже нет желания общаться. Я уже несколько дней с ним не виделась, с тех пор как он донес меня до дома

¹⁹ Церковь Сан-Барнаба (итал. *San Barnaba*) – католический храм в Венеции, назван в честь апостола Св. Варнавы.

²⁰ Чао! (итал. *Ciao!*) – используется как неформальное приветствие при встрече либо прощании.

на плечах. С того дня он, вопреки моему желанию, часто оказывался героем моих тайных и неуместных фантазий, которые я обычно подавляю на корню.

Я слежу за ним краем глаза: в руке у него мешок из коричневой бумаги, из тех, что используют на рынке.

Он смотрит на рисунок, почесывая подбородок, потом направляется к дивану и бросает на него мешок, который приземляется с глухим звуком на бархат обивки. Повернувшись ко мне спиной, он снимает кожаную куртку и остается в белой футболке с коротким рукавом. У него темная обветренная кожа, рельефные мышцы рук с заметными на поверхности венами. Этот мужчина очень красив. Спорить бесполезно. Гайя была права.

– Можешь сойти на минуту? – спрашивает он меня.

Я поворачиваюсь к нему, удивленно подняв брови, и отрицательно качаю головой.

– Да ладно, – продолжает он решительным тоном. – Я хочу провести эксперимент.

– Какой еще эксперимент?

– Ты слезь сначала, потом объясню.

Загадочная улыбка проскальзывает по его губам.

Не представляю, что у него на уме. Его взгляд не внушает мне доверия, но в то же время в его предложении есть что-то манящее. Мое смущение возрастает. Я чувствую, как лицо заливается краской, и единственная возможность преодолеть смущение – это выполнить его просьбу без дальнейших колебаний. Поэтому я оставляю палитру и кисти на последней ступени стремянки и медленно спускаюсь.

Ну вот. Я стою перед ним. Леонардо изучает меня пронизывающим взглядом.

– Хорошо, – он глубоко вздыхает, – теперь закрой глаза.

– Что? – я нервно сглатываю. – Могу я узнать, какие у тебя намерения?

– Это просто опыт, – подбадривает он меня соблазняющим тоном, – но если сработает, ты потом будешь мне благодарна.

Я замечаю, как мои руки начинают дрожать. Так не пойдет! Этот мужчина приходит сюда, отрывает меня от работы, отдает мне приказы, а я даже не в состоянии дать ему отпор. В нем есть что-то завораживающее, что-то, что я не в силах контролировать и уж тем более оттолкнуть.

Вдыхаю поглубже, потом еще раз, опускаю руки вдоль тела и наконец закрываю глаза. Я доверяю ему, думаю, у меня просто нет другого выбора.

– Поклянись, что не откроешь глаза до тех пор, пока я тебе этого не скажу.

Киваю в знак согласия, но при этом чувствую себя неловко.

– Елена, доверься мне, – успокаивающе говорит он, его голос звучит уже мягче.

Я слышу, как он куда-то идет, отдаляясь от меня. Потом слышится звук мнущейся, разворачиваемой бумаги. Похоже, он что-то ищет в мешке. Пытаюсь подсмотреть сквозь полужакрытые веки, но спина Леонардо закрывает мне весь обзор, так что приходится снова закрыть глаза. Начинаю соображать про себя, что, наверное, пора испугаться – в конце концов, я абсолютно не знаю этого мужчину... Нет, если вдуматься, то вряд ли мне стоит чего-то бояться. Более того, мне становится смешно.

– Я смотрю, тебе начинает нравиться. Это хорошо! Так даже лучше, – комментирует он.

Он приближается ко мне и останавливается в нескольких сантиметрах от моего лица – по крайней мере так мне кажется – я даже улавливаю его дыхание.

– А сейчас не думай ни о чем. Попробуй просто прочувствовать! – авторитетно повелевает он.

Сухой звук доносится до моего левого уха. Я не могу его распознать, сначала он был грубым, потом мягким. Похоже, что-то сломалось, разломилось пополам с треском.

– Что это? – спрашиваю с удивлением.

– Попробуй угадать. В этом суть игры.

Я чувствую, как он улыбается, его дыхание обдает мне лицо, он придвигается все ближе.

– Почувствуй запах.

Он подносит загадочный объект к моему лицу, и я вдыхаю. Станный запах пронизывает меня, доходит до горла. Пахнет мхом, землей... чем-то живым.

– Это фрукт? – говорю наугад.

Леонардо не отвечает. Он нежно берет мои руки и поворачивает их ладонями вверх. Теплая дрожь пробегает по моей спине, теряясь в расселине между ягодицами.

– Дотронься до него, – шепчет и кладет мне на руки два полушария.

Я слегка сгибаю пальцы, чтобы лучше почувствовать. Снаружи он гладкий и в то же время морщинистый, а внутри я на ощупь узнаю плотное сплетение зернышек, обтянутых легкой пленкой.

Кажется, я поняла!

– Это гранат?

– Сейчас узнаешь! – Леонардо высвобождает его из моих рук. – Открой рот, попробуй!

Я колеблюсь в замешательстве: мне совсем не нравится, что я не могу видеть то, что собираюсь есть. Но потом послушно повинуюсь. Несколько прохладных зернышек соскальзывают мне на язык. У них кисловатый, чуть щиплющий привкус, на зубах чувствуется плотная и сладкая мякоть с твердой сердцевинкой.

– Вот это и есть настоящий гранат. Ты знаешь, что самые сладкие выращивают в Испании? – говорит он, держа плод в руках. – Я думаю, что тебе необходимо начать с этого, чтобы прийти вот к тому, – и он указывает на фреску.

Я тоже смотрю на него, еще ощущая во рту кашичку из семян. Деталь, которая до недавнего времени была просто фрагментом определенной формы и цвета, внезапно стала чем-то живым. Теперь, когда я ощущаю гранат во рту, в ноздрях, в желудке, мне кажется, что я в первый раз вижу его на фреске по-настоящему и наконец-то могу постичь его тайную сущность. Не нахожу слов, я совершенно потеряна. Ищу помощи во взгляде Леонардо, он улыбается мне.

– Иногда глаз недостаточно, чтобы видеть всю картину полностью, тебе не кажется?

Киваю в нерешительности:

– Вроде я поняла, что ты хочешь сказать...

– Ну значит, тебе стоит сразу же приняться за работу. Не буду тебя больше беспокоить, – и поворачивается, чтобы уйти.

После нескольких шагов в направлении коридора он внезапно возвращается обратно, словно забыв что-то – наверное, пакет с гранатами или куртку. Но нет. Он останавливается рядом, роется в кармане джинсов и достает мою бутылочку с глазными каплями.

– Я нашел это вчера в своей комнате, – объясняет он, передавая капли мне. – И подумал, что тебе это может понадобиться.

Окаменев, забираю бутылочку, сейчас мне хотелось бы провалиться сквозь пол и больше никогда не появляться.

– Спасибо, я ее все утро искала, – отвечаю, как ни в чем не бывало, пытаюсь замаскировать волну стыда, поднимающуюся внутри меня. – Даже и не знаю, как она оказалась у тебя в комнате, – продолжаю я, а щеки предательски пылают краской. Опять! Мне бы хотелось найти подходящее алиби, но у меня никогда не получается лгать. Эта дура Гайя... А я еще большая дура, потому что тогда, несколько дней назад, последовала за ней! Он теперь будет думать, что я проныра или, еще хуже, – маньячка.

Леонардо обращает на меня понимающий взгляд, словно читая мои мысли. Он с веселым видом пожимает плечами и одаривает меня дружеской улыбкой, как бы говоря «расслабься, ничего не стряслось». Потом, без лишних слов, просто уходит, оставляя меня,

застывшую, в центре холла. А я разрываюсь: стоит ли мне просто забыть об этом или убежать сию же минуту туда, где никто меня не знает.

* * *

Когда я покидаю палаццо, уже темно. Вдоль переулочка горят фонари, и прохладный октябрьский ветерок заставляет меня поднять воротник плаща. Я поправляю волосы, и вдруг знакомый голос почти шепотом называет меня по имени.

– Псссс... Биби! – голос Филиппо.

Он сидит на парапете колодца в самом центре площади. Перехватив мой взгляд, соскальзывает вниз и приземляется на брусчатку, отряхивая тренч дымчатого цвета.

– Эта фреска не хотела тебя отпускать, – он кладет в карман телефон и приближается ко мне.

– Поработала на славу, – отвечаю, но решаю не рассказывать ничего об эксперименте с Леонардо. – А ты что здесь делаешь?

– Я пришел попрощаться, – отвечает он, поправляя ремень сумки с ноутбуком на плече. – Я не позвонил, потому что знаю, что ты не отвечаешь во время работы.

– Ну, тебе бы я ответила, – улыбаюсь и хлопаю его по плечу.

Мы идем в направлении площади Сан-Барнаба. Я рада, что Филиппо со мной, он обладает потрясающей способностью успокаивать меня, с ним я чувствую себя комфортно.

– Мне нужно кое-что тебе сказать, – он почесывает затылок, как бы подыскивая подходящие слова. Его глаза моментально становятся грустными.

– Что случилось?

– Завтра я возвращаюсь обратно в Рим. Чтобы остаться там, – говорит он залпом.

– Ой, ничего себе...

Я не знаю, как реагировать на эту новость. Может, для него это хорошо и не стоит демонстрировать ту нотку сожаления, которая зародилась у меня внутри.

– Ты мне ничего раньше об этом не говорил...

– Я узнал об этом два часа назад, – он разводит руками в знак смирения, – решение начальника. Он надумал отправить меня в головной офис в Риме, потому что, по его мнению, я самый квалифицированный.

– Это звучит как повышение.

– Ну, как сказал Дзонта, кидая документы на мой стол со своим обычным надутым видом: «Отнесись к этому как к продвижению в карьере». – Филиппо засовывает руки поглубже в карманы и неподвижно смотрит на неопределенную точку на горизонте. – Повышение зарплаты и, само собой, все расходы на проживание – за счет компании. Думаю, это одно из тех предложений, от которых трудно отказаться... – говорит он, имитируя голос Марлона Брандо в «Крестном отце».

– А ты доволен? – задаю вопрос в лоб.

– Да, доволен, конечно, – отвечает он, – просто все произошло так неожиданно, я только обустроился в Венеции, и опять уезжать... – Он смотрит на меня, и на минуту я надеюсь, что он скажет: «А еще я не хочу с тобой расставаться!», но сразу же приказываю себе не помышлять об этом. Это его шанс построить карьеру, цель, ради которой он так старался, мне следует радоваться за него и отставить свой эгоизм.

– А ты надолго там должен будешь остаться? – спрашиваю, стараясь говорить не плаксивым тоном.

– Пока не знаю, но, как бы то ни было, речь идет о многих месяцах, да и начальный период будет бешеным, – он вздыхает, словно подготавливая меня к признанию, – наше

архитекторское бюро добилось партнерства в реализации здания, спроектированного Ренцо Пьяно²¹.

– Ничего себе, Фил. Поздравляю! А почему ты сразу не сказал?

Потрясающая новость. И я легонько целую его в щеку.

– Это шанс всей твоей жизни, – говорю я.

Филиппо скупно улыбается. Его скромность обезоруживает меня, и это одна из тех черт, которые мне в нем нравятся. Конечно, он гордится тем, чего достиг, но никогда не кичится этим. Он из тех, кто не теряет чувства реальности, даже если его попросят перепроектировать эмпайр-стейт-билдинг в Нью-Йорке.

– Послушай, мне надо на ужин с коллегами из дизайн-студии, они специально все организовали, чтобы попрощаться со мной перед отъездом.

По его взгляду понимаю, что ему не очень-то туда хочется и он идет просто из вежливости. Жалко, я-то надеялась, что хотя бы этот вечер мы проведем вместе. И я чувствую, что он думает о том же.

– А мы? Мы же не прощаемся вот так, правда? – протестую я.

– Мне очень жаль, Биби, – говорит он с сокрушенным видом, опуская взгляд. – Завтра мне надо будет собирать вещи перед отъездом, так что вряд ли у меня еще будет время.

– Как же так, Фил! – восклицаю я.

Он приподнимает мой подбородок и ободряюще улыбается.

– Я буду тебя ждать, ты обязательно должна приехать навестить меня в Риме.

– Конечно, приеду, – отвечаю с гримасой сожаления.

– Дай мне только время, чтобы обжиться, и организуем выходные. Договорились?

– Да, – но меня это все равно не утешает.

– Знаешь, я рад, что тебе грустно, – он убирает с моего лба прядь волос. – Я чувствую то же самое, просто не показываю этого. Мне пора уезжать. А то меня линчуют... или хуже – я приду, а там уже все напились.

– Мне тебя будет очень не хватать.

– И мне!

Мы крепко сжимаем друг друга в объятиях, словно хотим таким образом оставить на своих телах следы друг друга. Потом обмениваемся поцелуями в щеку и останавливаемся на мгновение в нерешительности. Возможно, нам обоим хотелось бы, чтобы этот поцелуй был другим, но сразу же отводим глаза и возвращаемся в образ старинных друзей.

– Я пойду, еще увидимся.

– Счастливого пути, Фил. И удачи!

Еще одно быстрое объятие, и мы расстаемся, расходясь в разные концы площади. Поворачиваемся снова, машем друг другу руками и уходим по разбегающимся в разные стороны улицам.

* * *

По пути домой на меня наваливается тяжелое чувство грусти. Это так несправедливо, что Филиппо уезжает именно сейчас: мы только недавно опять нашли друг друга и начали понимать многое о наших отношениях. Звучит глупо, но я лишь сейчас осознала, насколько важным для меня было его присутствие в последние два месяца.

Я одинока уже больше года (в том смысле, что в моей жизни нет мужчины), но меня это никогда особенно не тяготило. За это время я поняла, что на самом деле более независимая и самостоятельная, чем думала о себе прежде. А потом появился Филиппо, и я почувство-

²¹ Ренцо Пьяно (итал. *Renzo Piano*) – итальянский архитектор, родоначальник стиля хай-тек.

вала, что он мне ближе, чем кто-либо другой. И я начала всерьез сомневаться, что состояние одиночества является таким уж естественным для меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.